

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

К.Ю. Ерусалимский

**ИСТОРИЯ НА ПОСОЛЬСКОЙ СЛУЖБЕ:
ДИПЛОМАТИЯ И ПАМЯТЬ
В РОССИИ XVI в.**

Препринт WP6/2005/03

Серия WP6

Гуманитарные исследования ИГИТИ

Москва
ГУ ВШЭ
2005

УДК 930.1
ББК 63
Е79

Ерусалимский, К. Ю.

Е79 История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. [Текст] : препринт WP6/2005/03 / К. Ю. Ерусалимский; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — 55, [1] с. — (Сер. WP6 «Гуманитарные исследования ИГИТИ»). — 150 экз.

В статье рассматривается использование прошлого и историческая память русской посольской службы XVI в. Автор предпринимает попытку разработать предварительную модель культурного взаимодействия между церемониальными историческими exempla, визуальными репрезентациями прошлого, артефактами и историческими текстами данного периода. «Прошлое» предоставляло Посольскому приказу аргументы в споре за земли, титулы, привилегии, эмигрантов. В то же время ссылки на прошлое не могли достичь успеха без опоры на «традиции» и прочие идентичности. Эти ссылки реорганизовывали коллективную память, но международные отзывы на них давали новые импульсы для актуализации историй. Exempla не были лишь плодами «воображения» или «изобретения». Они содержали отрывки из летописей и других исторических источников. Они апеллировали к общеизвестному, к Божьей милости и к божественным текстам, иконам, инсигниям, строениям и т.д. Такие понятия, как «Русская земля», «граница», «наше и их», «измена», оказываются новосозданными или переосмысленными элементами посольской картины мира и оказывают воздействие на внутреннюю организацию исторической памяти.

УДК 930.1
ББК 63

Erusalimsky, K. Y.

History at diplomatic service: diplomacy and memory in XVI century Russia [Text] : working paper WP6/2005/03 / K. Y. Erusalimsky; State University — Higher School of Economics. — Moscow : Publ. house of SU HSE, 2005. — 55, [1] p. — (Ser. WP6 «IGITI Studies in the Humanities»). — 150 ex. (in Russian)

This article deals with uses of the past and historical memory of the Russian diplomatic service of the XVI century. It seeks to work out preliminary model of cultural interchange of ceremonial historical exempla, visual representations of the past, artifacts and historical texts of the period. The «past» supplied Russian Diplomatic Office with arguments in polemics for lands, titles, privileges, emigrants. At the same time making reference to the past couldn't be successful if not based on «traditions» and other identities. These references reorganized collective memory, but international reactions gave new impulses to actualize histories. Exempla weren't totally «imagined», nor «invented». They contained extracts from chronicles and other historical sources. They appealed to common knowledge, God's grace and God's texts, icons, insignia, structures etc. Such concepts as «Russian land», «boundary», «our and their», «treason» become new-made elements of diplomatic worldview and influence inner organization of historical memory.

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте: <http://www.hse.ru/science/preprint/>

© Ерусалимский К.Ю., 2005

© Оформление. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005

Оглавление

Exempla virtutis и посольская историография	4
Посольское время и посольская вечность	10
Три империи	12
Хронограф, летописи и русская империя	13
Власть и измена в исторической памяти.....	16
Память и коронационный церемониал.....	21
Имперские легенды	34
Столкновение посольских историй	41
Заключительные ремарки: посольская историография и имперское мифотворчество	49
Препринты ИГИТИ ГУ ВШ. Серия WP6 «Гуманитарные исследования ИГИТИ»	55

Exempla virtutis и посольская историография

Исторические предания русской дипломатии, как и европейские *exempla virtutis*, были частью дипломатической историографии, под которой здесь понимается историография, сконцентрированная на личности правящей персоны. Национальные дипломатические ведомства брали на вооружение прошлое в борьбе за титулы, территории и т.д., создавая своим государям и государствам благородные истоки и благородных предков¹.

Дипломатические предания в связи с этим интересны сразу с двух точек зрения: они участвуют в формировании общественной идентичности и выражают ее. Предания обрастали церемониалом, сопровождалась визуальными рядами, получали развитие в исторических текстах. Они были способом консолидации «воображаемого сообщества» благодаря сюжетам ниспосылаемых на князей Божьей милости, православных добродетелей, славы, героических побед, а также благодаря генетической и символической преемственности власти прошлого и настоящего. «Посольские обычаи» не были единственным определяющим инструментом в освоении того территориаль-

---

¹ В настоящем исследовании оставлены без внимания этнические мифы, если только таковые или их элементы не использовались в русской посольской практике XVI в. Эти мифы типологически сходны с рассмотренными ниже, но имеют и принципиальные отличия. Создателей посольских *exempla*, как правило, не интересуют истоки этносов, зато почти всегда заботят территориальные границы, происхождение, генеалогия и распределение власти. Переходным типом между этническими и посольскими мифами можно считать мифы о господствующем этносе и неавтохтонном происхождении элиты (*норманны / англосаксы* в Англии, *франки / галлы* во Франции, *сарматы / скифы* в Речи Посполитой, *немцы / славяне* в Московской Руси). И если в этнических сказаниях частыми оказываются сюжеты происхождения народов от исторических и легендарных лиц, то в мифах о господствующем этносе чаще встречается обратная ситуация: историческим лицам приписывается происхождение из народов — носителей властной традиции (*Reynolds S. Medieval origins gentium and the Community of the Realm // History. 1983. № 68. P. 375—390; Tazbir J. Polish National Consciousness in the Sixteenth to the Eighteenth Century // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. 10. № 3—4. P. 316—335; Geary P.J. The Myth of Nations. The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2002; Толочко А.П. Воображенная народность // Ruthenica. Київ, 2002. С. 112—117; Ведюшкина И.В. Формы проявления коллективной идентичности в «Повести временных лет» // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 286—310).*

ного пространства, которое московские государи рассматривали как свою «отчину» или «землю», но и посольский церемониал не был чем-то относящимся исключительно к «внешним» делам — он имел обратное действие, поскольку, проводя разделительную черту, он символизировал, воплощал и предписывал «внутренние» границы².

Во многом благодаря Посольскому приказу определился круг вопросов, которые для московских великих князей были «внешними». «Отчины» европейских и азиатских государей отныне вступали в конкуренцию претензий, прав, вер, ритуалов, историй, которые в церемониальных посольских текстах превращались в непререкаемую «старину», «обычай», «прежний обычай». Ущерб от пограничных конфликтов, родовых и внутренних неурядиц терял былое значение. Как и в местных спорах придворной аристократии за первенство, во «внешних» отношениях между придворными мирами на первый план вышло честное имя государя, а подлинные государственные угрозы, равнозначные местнической «потерьке», выростали из мельчайших нарушений дипломатического баланса³. Московские великие князья еще в конце XV в. пользовались посольским делом для утверждения своего суверенитета и авторитета, но то, благодаря чему они создавали выгодное распределение власти в их княжестве, постепенно превращало их самих в заложников церемониальной «внешней» политики⁴. Огромные ресурсы «внутренней» политики собирались для поддержания имени государя, его титул превратился в символ могущества, в его «второе тело»⁵.

Посольские делопроизводственные материалы и книги содержат и во многом воплощают исторические представления, происхождение которых

---

² О формировании государственных границ на закате Средневековья в Европе см.: *Guenée B. L'Occident aux XIVe et XVe siècles. Les États. P., 1971; Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986.* Э.Д. Смит в ходе полемики о рождении национального самосознания определил понятие «земля» применительно к истории Русского государства XVI в. как аналог западноевропейскому понятию «этнос» (*Smith A.D. The Myth of the «Modern Nation» and the Myths of Nations // Ethnic and Racial Studies (далее — ERS). 1988. Vol. 11. № 1. P. 11, ссылка на М. Чернявского и Р. Пайпса; ср.: Zubaida S. Nations: Old and New. Comments on Anthony D. Smith's «The Myth of the «Modern Nation» and the Myths of Nations» // ERS. 1989. Vol. 12. № 3. P. 329—339.* Рассматривать социальные изменения в направлении закрытия границ только как проявление этнической и национальной государственности, я считаю, неверно. Обособление «наций» или «протонаций» — это, скорее, одна из форм более обширного преобразования в ментальностях европейцев раннего Нового времени.

³ О местничестве в связи с темой статуса государя см.: *Маркевич А.И.* О местничестве. Киев, 1879. Ч. 1; *Он же.* История местничества в Московском государстве в XV—XVII веке. Одесса, 1888; *Berelowitch A. La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime (XVIe—XVIIe siècles). Paris, 2001; Коллманн Н.Ш.* Соединенные чеством. Государство и общество в России раннего Нового времени / пер. с англ. А.Б. Каменский; науч. ред. Б.Н. Флоря. М., 2001.

⁴ *Элиас Н.* Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / пер. с нем. А.П. Кухтенкова и др. М., 2002.

⁵ *Kantorowicz E. The King's Two Bodies. Princeton, 1957.*

не поддается строгой атрибуции. Их авторами были приказные служащие и московские государи, но сами представления скрывают следы своего происхождения. Они соответствуют своим целям наилучшим образом как раз тогда, когда произносятся от лица всего общества, когда служба создает «общее прошлое», на котором государи строили свою харизму. С.О. Шмидт, намечая перспективы исследования в выбранном здесь направлении, пишет: «Обращения в посольской документации к “историческим” преданиям, напоминания наряду с общепризнанными тогда “фактами” из Библии и о событиях древнеримской, византийской, древнерусской истории помогают составить мнение и об уровне историко-социологических построений, и о сфере конкретно-исторических знаний, и о системе “исторических доказательств” и их опровержении»⁶.

Исторические экскурсы русского посольского ведомства XVI в. были предметом специальных наблюдений, главным образом, в связи с темой московской политической идеологии⁷. В посольских книгах обнаруживаются исторические обоснования венчания великих князей на царство, отрывки, сходные со «*Сказанием о князьях владимирских*», генеалогические легенды, исторические претензии на власть московского государя над «всей Русью», ссылки на исторический опыт других стран. Особенностью исследовательской традиции стало то, что исторические мифы воспринимались как рефлекс определенных теорий и концепций. Основное внимание уделялось генезису и семантическим аспектам этих легенд. Менее изучено их применение в дипломатическом церемониале, историографии, их взаимодействие с другими историческими представлениями российских книжников и с историческими легендами других стран⁸.

⁶ Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 451.

⁷ Об этом см. историографический очерк: Усачев А.С. Древняя Русь в исторической мысли 60-х гг. XVI в. «Степная книга»: дис. канд. ист. наук. М., 2004. С. 20—54.

⁸ Из многочисленных недавних работ, касающихся данной проблематики, см.: Морозов В.В. От Никонской летописи к Лицевому летописному своду: (Развитие жанра и эволюция концепции) // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 44. С. 246—268; Плеханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995; Успенский Б.А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим» // Русское подвижничество. М., 1996. С. 464—501; Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV—XVI вв.). М., 1998; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003; Филлюшкин А.И. Проблема генезиса Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 375—408; Nitsche P. Translatio imperii? Beobachtungen zum historischen Selbstverständnis im Moskauer Zartum um die Mitte des 16. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1987. № 35. S. 327—336; Raba J. Moscow — The Third Rome or the New Jerusalem? // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1995. Bd. 50. P. 297—307; Rowland D.B. Moscow — The Third Rome or the New Israel? // Russian Review. 1996. Vol. 55. № 4. P. 591—614; Pelenski J. The Contest for the Legacy of Kievan Rus'. N. Y., 1998; Hellberg-Hirn E. Imperial Places and Stories // Imperial and National Identities in Pre-revolutionary, Soviet, and Post-soviet Russia. Helsinki, 2002. P. 19—44; Khodorkovsky M. «Third

Проблематика, возникшая в дискуссиях вокруг этой темы, весьма обширна, и прежде чем обратиться к рассмотрению источников, попытаемся наметить основные, на наш взгляд, сложные вопросы. Во-первых, спор о категориях имперского самосознания Московского царства после исследований Н.С. Чаева и М. Чернявского перестал быть спором о «словах» и до сих пор остается в центре дискуссий о формировании идеологии истории, восприятии своего и чужого прошлого в России XVI в. При этом логика в построениях этих авторов во многом несходна. Н.С. Чаев настаивал на влиянии католических моделей на имперские темы в московской книжности и церемониале и считал, что католические проекты по привлечению Москвы к антитурецкой коалиции вызвали к жизни как идею о наследовании имперских инсигний предками московских государей, так и «вспомогательные теории» к этой идее⁹. В то же время М. Чернявский считал, что национальное самосознание России со времен Московского царства основано на монгольском наследии, оказавшем прямое или опосредованное воздействие на формирование идеалов православия и автократии, а также на «имперскую тему»¹⁰. Во многом реакцией на эти построения стали замечания исследователей о том, что «Третий Рим» в московской исторической памяти уступал более старым моделям «Нового Израиля»¹¹, а в популярных исторических нарративах России «теория Третьего Рима почти полностью отсутствует»¹². Мы в этой работе поднимем вопрос об имперской теме, которая независимо от книжных учений бытовала под различными масками в московском посольском ведомстве XVI в. Необходимо при этом учитывать, что в доктринах интеллектуалов не было четких предпочтений и строгих семантических границ между «Новым Римом» и «Новым Иерусалимом»¹³. К этому двудликому мифу М. Ходорковский предлагает добавить еще две стороны — «Новый Киев» и «Новый Сарай»¹⁴. В официальном дискурсе Русского государства

Rome» or a Tributary State: A View of Moscow from the Steppe // *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen*. Wiesbaden, 2004. P. 363—374; *Korpela J. The Christian Saints and Integration of Muscovy // Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present / ed. S. Bogatyrev*. Helsinki, 2005. P. 17—58.

⁹ *Чаев Н.С.* «Москва — Третий Рим» в политической практике московского правительства XVI века // *Исторические записки*. М., 1945. Т. 17. С. 12—13.

¹⁰ *Чернявский М.* Хан и василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории // *Из истории русской культуры*. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 442—456.

¹¹ *Raba J.* Moscow — The Third Rome or the New Jerusalem? P. 307; *Rowland D.B.* Moscow — The Third Rome or the New Israel? P. 596.

¹² *Bushkovitch P.* The Formation of a National Consciousness in Early Modern Russia // *Harvard Ukrainian Studies*. 1986. Vol. 10. № 3—4. P. 356—357.

¹³ *Успенский Б.А.* Восприятие истории в Древней Руси... С. 466—467, 470—471 и след.; *Korpela J.* *The Christian Saints...* P. 21—23.

¹⁴ *Khodorkovsky M.* «Third Rome» or a Tributary State... P. 364—365.

подчеркивалась преемственность Киевской Руси и Московской Руси. В этом смысле «Киев» был символом суверенитета и сопутствовал теме священного наследия¹⁵. «Степные» идеологемы, как нам кажется, с этой темой связаны в меньшей степени, но и такая связь может быть обнаружена¹⁶.

Во-вторых, П. Ниче спровоцировал интересную дискуссию, доказывая, что в Московской Руси византийское наследие не занимало в идеологии того места, которое ему было приписано в позднейшей историографии. В историописании идея *translatio imperii* не была так выражена, как на Западе, и заметно уступала теме преемственности власти от Киева к Москве; имперская символика заимствовалась в первую очередь из Италии и Священной Римской империи; а тема «Третьего Рима» в послании старца Филофея заявлена не как манифестация претензий на мировое господство, а лишь как нравоучительный призыв соблюдать духовную чистоту перед грядущим концом света¹⁷. С первым тезисом с трудом согласуется то, что источниками для учения о *translatio imperii* на Руси и на Западе послужили одни и те же пророческие тексты, которые в московском историописании XVI в., хотя и не всегда согласованно, сопутствуют переосмыслению истории Руси в соответствии со схемой наследования римской и киевской власти Москвой. Второй и третий тезисы П. Ниче не противоречат концепции имперского самосознания Московской Руси, а лишь — конечно, весьма существенно — уточняют ее импликации. Однако если учитывать, что для Филофея «Рим весь мир», а идея власти над «вселенной» объединяет «Сказание о князьях владимирских» и московские посольские тексты, противопоставление «своего» и «общего» в московской идеологии значительно ослабляется.

В-третьих, заслуживает внимания то, что посольский церемониал, воплощающий имперскую идеологию в текстах, эмблематических предметах

---

¹⁵ См.: *Halperin Ch.J.* Kiev and Moscow: An Aspect of Early Muscovite Thought // *Russian History*. 1980. Vol. 7. P. 312—321; *Pelenski J.* The Contest... P. 190.

¹⁶ Восточное направление имперского исторического воображения Русского государства XVI в. нами рассматривается далее только в связи с теми высказываниями, которые обнаруживаются по этому вопросу в текстах, отражающих взаимоотношения с «западными» европейскими государствами. Этот недостаток нашей работы, во-первых, компенсируется несколькими исследованиями, которые охватывают затронутые нами вопросы на документации «восточного» направления. Во-вторых, до нас не дошли важные с этой точки зрения казанские и астраханские посольские книги, тогда как крымские и ногайские посольские книги за XVI в., как кажется, слабо освещают историческое самосознание Московской Руси или, точнее, особым образом представляют традиции московских отношений со степными улусами, ориентируясь скорее на принципы *damnatio memoriae* и прагматичной политики, нежели на принципы исторической преемственности. В-третьих, для нас было принципиально важно в этой работе поднять вопрос, ранее крайне слабо изученный, о взаимодействии исторической идентичности Московской Руси в отношениях с восточными ордами и тех форм исторического самосознания, которыми оперировало посольское ведомство в отношениях с христианскими государствами.

¹⁷ *Nitsche P.* *Translatio imperii?*.. S. 327—336.

и чинопоследовании, был насыщен историей, осмысленной в духе «Третьего Рима». Можно выяснить, например, какими текстами пользовались посольские служащие, как подбирались и создавались аргументы для подтверждения добродетельного прошлого, как визуальными предметами дополнялись, иллюстрировались, подтверждались тексты. Ссылки на историю вызывали ответные реакции дипломатических партнеров, часто требовавшие улучшения как аргументов, так и сочинений по истории. Русские имперские схемы находились в постоянном взаимодействии со сходными культурными конструктами других стран.

В-четвертых, посольские исторические легенды, если попытаться связать их с историографическими и церемониальными событиями Русского государства, показывают, что мифология царства не была бесконфликтной, внутренне целостной и неизменной. Посольский приказ, помещая историю в ситуации диалога, вынужденно преобразует эту историю, наполняет ее новыми конструкциями, которые Н.С. Чаев несколько односторонне называл «церковно-политической фантастикой московских книжников XVI в.»¹⁸. «Фантастика», захватывая все новые и новые исторические сюжеты, превращается в доминирующий способ осмысления истоков, предысторий, а вместе с ними — центральных и локальных идентичностей. Будучи «имперской», эта мифология содержала военные агрессивные «империалистические» подтексты, часто скрытые за формулами смирения, небесной милости, превозношения христианского мира. Помимо центральных сюжетов имперского дискурса Посольский приказ манипулировал устойчивыми схемами, подкрепляющими «собрание земель» вокруг Москвы и распределяющими иерархические позиции стран по отношению к Московскому государству. Как заимствовались или разрабатывались эти схемы и как они взаимодействовали с учением о «Третьем Риме» — также может быть изучено на основе посольских источников.

Посольское делопроизводство в Русском государстве конца XV — XVII в. превратилось в отлаженный механизм, фиксирующий, перерабатывающий, komponующий и архивирующий документы международных отношений¹⁹.

---

¹⁸ Чаев Н.С. «Москва — Третий Рим»... С. 12.

¹⁹ См., например: Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906; Савава В.И. О посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1; Rasmussen K. On the Information Level of the Muscovite Posol'skij Prikaz in the Sixteenth Century // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1978. Bd. 24. P. 87—98; Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980; Она же. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003; Croskey R.M. Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. N. Y.; L., 1987; Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». Русский посольский обычай конца XV — начала XVII в. М., 1988; Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 448—455; Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV — начала XVII в. М., 1994; Третьяков В.В. История Ногайской орды. М., 2001; Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. Вып. 1—2 и др.

В результате многочисленных перемещений и катастроф, постигших эти документальные собрания, от Московского государства XVI в. до нас дошли так называемые «посольские книги» и незначительное количество разрозненных писем, договорных грамот, выписок, архивных описаний и летописных записей о посольской деятельности. Нашими важнейшими источниками будут посольские книги XVI в., из которых будут использованы первые пятнадцать книг российско-польских дел, первая книга российско-прусских дел, первые пять книг российско-имперских дел, первая книга российско-римских дел, первые две книги российско-английских дел, первые две книги российско-датских дел, первые четыре книги российско-шведских дел, первые три книги российско-греческих дел²⁰.

Посольское время и посольская вечность

Посольская историография видит прошлое как совмещение времени и вечности²¹. Первенство русских государей перед соседями устанавливается ею с помощью событий, зафиксированных в глубокой древности, у истоков государственной истории. Но восходя к этим истокам, искомый статус или право наделяется «искони вечной» неизменностью, постоянством и получает абсолютное оправдание тем, что существует «изначала», «от прародителей», «по прародителей обычаю», «по старине», «из давних лет», «за много лет»²². Политика предстает в ореоле борьбы за историческую и одновременно вневременную справедливость.

Граница, отделяющая прошлое от настоящего в посольских делах, проходит между событиями неизмеримой древности (определяющей обычай) и событиями хронологически обозримыми (в рамках или за рамками обычая). Категории «изначала», «искони» указывают на прошлое, одной глубины которого достаточно для легитимации, хотя в измеримой хронологии «исконность» может относиться к событиям в равной мере недавнего прошлого и Сотворения Мира²³. В так называемом «Летописце начала царства» за 7060 г. рассказ о противостоянии Казани и свияжских воевод

---

²⁰ См.: *Рогожин Н.М.* К вопросу о публикации посольских книг конца XV — начала XVII в. // Археологический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 185—209.

²¹ См.: *Успенский Б.А.* Восприятие истории в Древней Руси... С. 464—501.

²² Например: СИРИО. СПб., 1910. Т. 129. С. 90.

²³ Словом «искони» из Ин. 1.1 в древнерусском апракосе начинается евангельское чтение Пасхальной литургии (см.: *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 15, 145).

сопровождается ремаркой: «Да изначала ненавидяй добра враг роду христианскому и радуется кровем человеческым»²⁴. Сугубо богословский контекст сменяется богословско-политическим, и ниже читаем обращение Шигалея (Шах-Али) к царю Ивану: «Изначала ваша, государей, пред ними правда, а их пред вами измена, Бог тебе, государю, на помощь»²⁵. Слово «изначала» создает значение постоянства, оно идентично категории «всегда», но помещенной в ретроспективное хронологическое измерение. Перспективное измерение также имеет литургический подтекст, что видно из поздравлений Шигалея: «Также, приехав, и царь Шигалей здравствует государю: — Буди, государь здрав, победив съпостаты и на своей вотчине на Казани в веки»²⁶.

Обратный случай, если ради соблюдения обычая настоящее забыто как «дело давно зашло»²⁷. На это намекает царь в ответном списке июля 1583 г., предлагая закрыть спор о товарах королевского купца Зиновия Зарецкого, «что товары его иманы к нашей казне в 76-м [1567/68. — К. Е.] году при казначее нашем при Никите Фуникове в те поры, как был у нас от Жигимонта Августа короля гонец Юрьи Быковской, тому ныне 17 лет»²⁸. Согласно московской версии, ему возместили все траты, но он при поддержке короля не соглашался и требовал полностью оплатить стоимость товара, на что следовал ответ: «и за те им товары и денги плачены, а казначая нашего Никиты Фуникова не стало лет с тринадцать, и таких было старых дел и воспоминати не пригоже»²⁹. Старые дела в данном контексте диаметрально противоположны древности в том ее понимании, которое служило основой для создания *exemplar* в рамках посольской историографии.

«Старые» дела требуют забвения, подпадают под принцип *damnatio memoriae* и получают свое определение не по времени события, а по его церемониальному статусу — в этом смысле древность казанских изменений для Посольского приказа острой актуальностью, тогда как события семнадцатилетней давности, связанные с нанесением финансового ущерба какому-то купцу, погружаются в незапамятные времена. Этой темпоральной организации посольского прошлого соответствует комплекс взглядов на устройство международной жизни, который воплощен далеко не только в книжных теориях Московского царства.

---

²⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 176.

²⁵ Там же. С. 184.

²⁶ Там же. С. 220.

²⁷ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. Кн. 14. Л. 652; Ф. 78 (Сношения России с римскими папами). Оп. 1. Кн. 1. Л. 254 об.

²⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 14. Л. 648 об.

Три империи

Имперская идентичность — один из самых призрачных и самых популярных в христианском средневековье плодов политического воображения. Русские земли были знакомы с «имперскими идеями» задолго до создания объединенного Русского государства. Момент их принятия в Москве невозможно установить с точностью до года или даже десятилетия. В правление Ивана III разработан имперский титул собирателя Руси, при Василии III велась кропотливая работа по созданию предыстории Русского царства в ряду мировых царств. Свою силу в конце XV — начале XVI в. получает и позднее сохраняет до Петра I факт признания царского титула странами, которые считались империями. С середины XVI в. от обычных княжеств и королевств русская дипломатия требовала признания царского титула государя «всех Русии» со ссылкой на то, что этот титул признан Священной Римской империей и Турцией; под руку московских государей переходили татарские «цари» и такие «короли», как Магнус; одновременно намечались имперские перспективы передела «вселенной» от захвата Царьграда до изгнания османов «за Арапы и до Азии»³⁰.

Уверенность в особом статусе Русского царства сказывалась на своеобразном дипломатическом местничестве. Русская дипломатия XVI в. признавала за границами своего царства империями Османскую Турцию и Священную Римскую империю³¹. Только цесарь ветхого и султан нового Рима были вне конкуренции и местнических притязаний московского государя. Они определяли, «в каковом мере» должны быть европейские государи³². Характерный в этом смысле наказ получили в августе 1582 г. послы к польскому королю Стефану Баторию кн. Д.П. Елецкий, И.М. Пушкин и дьяк Фома Дружина Пантелеевич Петелин. После приема у короля в случае приглашения на обед им предписывалось сесть за стол выше послов любой другой страны, «а нечто будет у короля турецкого салтана посол или цесарев посол, и князю Дмитрею с товарищи с салтановым и с цесаревым послом вместе ни на посольство, ни за стол никак не ходити»³³. В наказе легкому гонцу к папе римскому Григорию XIII Леонтию Истоме Шверигину в августе 1580 г. предписывалось

²⁹ Там же. Л. 649—649 об.

³⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 14. Л. 322 об.—323; Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 264 об.—265, 282; Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д.С. Лихачева, Я.С. Лурье; пер. и коммент. Я.С. Лурье; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951 (далее — ПИГ). С. 148; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. Памятники дипломатических сношений с империей Римской (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851 (далее — ПДС. Т. I). Стб. 554—555.

³¹ СИРИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 45.

³² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 14. Л. 695.

³³ Там же. Л. 321 об.

в случае приглашения за стол идти только в том случае, если московский представитель будет посажен выше «турского, или цесарева, или литовского, или иного которого государя послов, и посланников, и гонцов»³⁴. В состязании за первенство с этими государствами Московская Русь не могла претендовать на первенство, поэтому таких состязаний московская дипломатия предусмотрительно избегала. Но это не значило, что посольское ведомство бронировало своей стране место ниже двух законных империй: «Божим милосердьем никоторое государство нам высоко не бывало»³⁵.

Комплекс легенд в сочетании с военной политикой московского государя и дипломатической борьбой за царский титул должен был доказать, что величайших «великих государей» в мире не два, а три; и помимо ветхого и нового Рима есть еще новейший — Москва. Имперский статус Московской Руси заявлен, как будет показано позднее, не только в царском и господарском титулах великих князей московских, но и в великокняжеском. Символы, обозначающие избрание Русского царства на последние времена и заимствованные из средневековой эмблематики, подкрепляли хронографическое прочтение новейшей русской истории («ездец», орел, «инорог» и т.д.).

Хронограф, летописи и русская империя

В своих обращениях к прошлому Посольский приказ опирался на византийские хронографические традиции, до середины XV в. слабо затронувшие осмысление русским историописанием места русских земель в истории сменяющихся царств. Между тем хронографическая форма позволяла встраивать — и превращать — местную историю во всеобщую, проводить параллели и определять долгосрочные тенденции. Хронографические образцы были удобны, поскольку содержали идеалы эсхатологической империи. Современность (последние, временные лета) в хронографии была тесно связана с «видением святого пророка Данила о четырех зверех» с толкованиями Ипполита Римского. Звери (львица, медведица, рысь и орел, «зверь четвертый страшен, и дивен, и горд излиха») символизировали сменяющиеся царства (Вавилон, Персия, Македония, Рим), из которых последнее определялось как «нынешнее». Преемственность между царствами осуществлялась по определенным историографическим схемам, которые могли бы быть подразделены на символическую, генеалогическую и военно-политическую. Царства переходили одно в другое, как части великана из видения, от золотой головы к скудельным ногам. Правители каждого последующего царства были свя-

---

³⁴ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 12—12 об.

³⁵ Там же. Л. 253 об.

заны прочными родственными узами с правителями предыдущего. Однако переход представлялся в основном как имперское подчинение. Последние царства продолжали земную историю, поэтому их наступление не следует рассматривать только в рамках богословской эсхатологии: «земные» царства были частью божественной истории, Рим должен был смениться Антихристом, а Антихрист — Христом³⁶.

«Собирание государства», воплощавшее хронографический идеал царства как единства территории и власти, сопровождалось борьбой против историографических традиций подчиненных земель. Имперские претензии на власть во всех русских землях и в ряде иных земель вызвали к жизни представление о постоянной в истории Руси борьбе подлинной власти с изменой. Личные и региональные протесты и выступления против московских государей перечитывались как противозаконные поползновения. Одновременно устранялись символы любой протестной идентичности, и среди них особенно оппозиционные летописные центры. В Новгороде и Пскове были устранены символы древней независимости (вечевые колокола), причем в обоих случаях население пыталось бороться за самостоятельность ссылками на исторические предания, и московской стороне приходилось противопоставлять противникам свои версии прошлого³⁷. Некоторые центры историописания сохраняли оппозицию Москве и после вхождения в состав единого государства (примеры Ярославля, Пскова, Устюга и Вятки в этом отношении достаточно показательны)³⁸.

Одновременно посольское дело империи нуждалось в непротиворечивых версиях своего территориального господства. Посольский приказ на случаи исторических споров был обеспечен историческими сочинениями, которые при необходимости перерабатывались и пополнялись. В начале 1578 г. делегация Речи Посполитой защищала в Москве честь своего нового короля Стефана Батория: «От нас обран государем княжа Седмиград-

---

³⁶ Подробнее см.: *Schaeder H.* Moskau das dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slawischen Welt. 2. Aufl. Darmstadt, 1957; *Стремоухов Д.* Москва — Третий Рим: Источники доктрины // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 436—438.

³⁷ *Ерусалимский К.Ю.* Понятие «история» в русском историописании XVI века // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 370.

³⁸ Выпады в адрес московского дьяка И.А. Сушего, «нового чудотворца» и «дьявола», в сообщении о мошах ярославских святых и изъятии отчин у князей Ярославских, см. под 6971 г. в Ермолинской летописи (ПСРЛ. М., 2004. Т. 23. С. 158). Псковский летописец под 7018 г. отождествляет приход великого князя Василия Ивановича с наступлением царства антихриста (ПСРЛ. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 225—226 (л. 203 об.—204 об.)). См. также: *Власов А.Н.* Устюжская литература XVI—XVII веков. Историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995; *Уо Д.К.* История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени. СПб., 2003; *Waugh D.C.* Religion and Regional Identities: The Case of Viatka and the Miracle-Working Icon of St. Nicholas Velikoretskii // Die Geschichte Russlands... P. 259—278.

цкой разумом великим, мужством и беглостью в делах рыцарских от пана Бога одарованный, которого государя нашего дед на том же панстве будучи болшей крови поганское, анежли который христьянский боевник от трех веков пролил и не токмо в земли Седмиградцкой, албо Угорской то ся оказывало, але ото много сот лет долеко по свете ж в земли святой сарацином давался знати звлаща коли у оной для великости войск сарацинских на страшливой битве при горе Таборехи на голову поразил, чого все-го ляцко с кроиник доискатись можете, бо так разумеем, иже тут в панстве его милости государя вашего много кроиник маете»³⁹. В посольском деле хроники, как считалось, необходимы, и послы уверены, что их «много» в Московском государстве.

Польские послы не уточняли, какие именно тексты необходимо было посмотреть, чтобы убедиться в праведности предков Стефана Батория. Набор исторических пособий русского посольского ведомства был недоступен для иностранцев. Необходимым условием посольской историографии была строгая засекреченность источников. При этом посольские дьяки были во главе царского архива, работники Посольского приказа имели доступ ко всем официальным историческим текстам и считались экспертами в истории или даже ведущими хроникерами государства⁴⁰. Для дипломатической миссии Сигизмунда Герберштейна в 1517 г. крупным успехом было получение доступа к московским юридическим и летописным источникам. Вероятно, уже тогда свои экземпляры исторических сочинений имелись в посольском ведомстве. Из архива А.Ф. Адашева (постоянного участника посольских совещаний во второй половине 1550-х гг.) после его смерти были забраны «списки черные», которые он «писал память, что писати в летописец лет новых». В 1570 г. в ответ на объявление о создании единой Речи Посполитой Иван Грозный рассмеялся и, не дослушав завершения речи, крикнул польско-литовским послам, что не теперь объединилась, а 120 или 130 лет назад, после чего тут же спросил эксперта, своего печатника и бывшего главу Посольского приказа Ивана Висковатого, так ли это⁴¹. Еще один влиятельный политик, ближний советник и постоянный участник посольских дел заслужил особой похвалы слуги британской Московской кампании и в 1586 г. английского посла в России Джерома Горсея: «Я читал в их хрониках, написанных и хранимых в секрете великим главным князем страны по имени Князь Иван Федорович Мстиславский, который по любви и расположению ко мне доверял мне многие секреты, хранимые им в памяти на

---

³⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 10. Л. 372—372 об., 442 об.

⁴⁰ Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 172—183.

⁴¹ СИРИО. Т. 71. С. 639; Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. Dz. II. № 66a. S. 2.

протяжении 80 лет его жизни, — о положении, природе и управлении этого государства»⁴². Степень причастности Алексея Адашева и Ивана Висковатого к летописанию дискутируется, но их организаторская роль в составлении исторических сочинений не вызывает сомнений⁴³. Под «хрониками» князя И.Ф. Мстиславского подразумевались официальные или неофициальные летописи, мемуары или документальные материалы⁴⁴. Даже если упоминание «хроник» лишь риторический прием Дж. Горсея, путешественник точно передает засекреченность истории.

Власть и измена в исторической памяти

Разработка «добродетельного прошлого» проходила в глубокой тайне от иноземцев, позволявшей Посольскому приказу удалять, менять, уточнять факты, придавать им те или иные смыслы, рассчитывая на неспособность дипломатических ведомств других стран опровергнуть любую из предлагаемых оценок. Посольская историография была тесно связана с процессами территориального, ведомственного и служебного обособления. Любой представитель чужого государства в русских землях, так же, как и русский дипломат за границей, рассматривался как потенциальный разведчик. Поэтому вступали в действие одновременно ограничение доступа к информации, особенно исторической, и тщательная подготовка посольских служащих к преодолению аналогичных заслонов⁴⁵. Уже в 1479 г. московский гонец Иванча Белый был послан в Крым с официальным наказом, но одновременно с тайным предписанием разведать крымские дела⁴⁶.

У государства было достаточно средств, чтобы проводить разведывательную деятельность, вникать в межгосударственные придворные тайны, дезинформировать и скрывать события в русских землях. Представитель государя, согласно более поздним посольским наказам, должен был уметь «тамошнее дело видети, а здесе приехав сказати», «великому князю о тамошних делех и

---

⁴² *Горсей Дж.* Записки о России. XVI — начало XVII в. / под ред. В.Л. Янина; пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 50; *Севастьянова А.А.* Предисловие. Джером Горсей и его сочинения о России // Там же. С. 20.

⁴³ *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 78—79; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 38—41.

⁴⁴ *Солодкин Я.Г.* История позднего русского летописания: учеб. пособие. М., 1997. С. 15—17; *Рое М.Т.* «A People Born to Slavery»: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476—1748. Ithaca; L., 2000. P. 54, 94.

⁴⁵ *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 39—40, 54.

⁴⁶ СИРИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 15—16.

словом сказати», «да кого будет пригоже... пытати собе тайно, а не слушно». В тайне от Великого княжества Литовского держался в 1493 г. торжественный переезд русских послов во время сватовства Конрада Мазовецкого. В 1495 г. был засекречен переговорный процесс по заключению русско-датского мирного договора. Купцам запрещалось объезжать «новыми дорогами» таможенные «мыты», осматривать новые или запрещенные для проезда иностранцев дороги, в некоторых случаях дороги на въезд и выезд из страны полностью перекрывались⁴⁷. Иностранцы путешественники отмечают, что в Русском государстве действовал запрет на вывоз драгоценных металлов⁴⁸.

Нарушение спокойствия на границах в русско-литовских отношениях обычно приводило к вопросу, с чьего «ведома» произошло нападение. Признавая свою осведомленность, великий князь показывал, что он готов продолжить конфликт; в обратном случае он должен был казнить виновных, так как совершение насилия в тайне от него было двойным преступлением. В переговорах с королем Казимиром 1489 г. Иван III заявляет о себе как о вотчинном государе, чьи знания о своей земле абсолютны: «Ино мы не ведаем, которые бы кривды от нас королю делаютя; а земель и вод вотчины королевы за собою не держим, а з Божью волею держим земли и воды свою отчину; а того не слышим нигде, где бы наши люди почяли королевым людем лихо чинити. А нам от короля великие кривды делаютя...». Власть не знает о «ликих» делах — сказать это для посольского этикета означало: «ликих» дел никто в ее пределах не совершает. Обратный случай: князя Д.Ф. и С.Ф. Воротынские приходят на Медынские волости в Великий пост 1489 г. «не тайно, явно войною». В завуалированной форме литовской стороне дается понять, что она не могла не знать о грабеже и тоже несет за эти действия ответственность. Впрочем, не менее легко было снять с себя таковую, как распорядился Иван III в наказе 1492 г. новгородскому наместнику Якову Захарьичу: в случае, если его человека литовские послы спросили бы «о том, что яз которые места велел поимати, и он бы отвечивал неведаньем»⁴⁹.

Иностранцы послы, приезжая в Россию, попадали в изоляцию, их контакты с внешним миром пресекались, а приставы могли применять силу, чтобы к иноземцу «не ходил никто и с ним бы не говорили»⁵⁰. Состояние

---

⁴⁷ СИРИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 86, 94, 96—97, 169, 176, 214—215, 221—225, 245, 259—260, 269, 271, 650.

⁴⁸ Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / сост. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 66, 84, 106, 128. Примеч. 79; *Герберштейн С.* Записки о Московии / перевод А.И. Малеина, А.В. Назаренко. М., 1988. С. 123—124.

⁴⁹ СИРИО. Т. 35. С. 2—3, 7—9, 20, 23, 24, 34—35, 37, 39, 49, 55, 57, 58, 61—62, 69, 76, 147, 244—248, 251—252, 254—258, 319, 330.

⁵⁰ Мулюкин А.С. Приезд иностранцев в Московское государство: Из истории русского права XVI и XVII вв. СПб., 1909. С. 1—30; *Поэ М.Т.* «A People Born to Slavery»... Р. 41—49, 83—95.

изоляции создает препятствия для получения сведений о стране — в первую очередь о ее правителях, нравах, порядках и, конечно, о ее истории. Работа дипломата по сбору исторических и этнографических сведений попадает в зависимость от церемониальных условностей, слухов и личных впечатлений о правителе, его окружении и том немногом, что удавалось увидеть за спиной у приставов. Государство в XVI в. располагает достаточными ресурсами, чтобы скрыть от прямого взгляда и отрицать перед иноземными дипломатами такие масштабные мероприятия, как опричные походы и само разделение государства на земщину и опричнину. Как следствие, распространение получают «шпионские» отчеты, трактаты и исторические записки, и сама история как недавнего, так и далекого прошлого наполняется интригами, тайнами: «тайными замыслами», «замыслами на лихо», «изменным обычаем».

Оборотная сторона государственной тайны и один из важнейших московских исторических сюжетов — борьба с изменой. Это центральное понятие посольского ведомства, когда речь идет о внутригосударственных конфликтах. Отправным пунктом для многочисленных посольских деклараций по этому вопросу стало бегство из страны князя С.Ф. Бельского и И.В. Ляцкого в 1534 г., с которого Иван Грозный в Первом послании Курбскому начинает предысторию измены, доводя ее до князя А.М. Курбского⁵¹. Представления Ивана Грозного о роли измены в истории его государства были кратко сформулированы в переписке царя с пленным крымцами Василием Грязным. Как сказано в послании царя, когда «отца нашего и наши князи и бояре нам учили изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды»⁵². Наиболее успешный по числу посольских упоминаний 1560-х — 1570-х гг. сюжет — противостояние законного царя с его мятежным братом: изменники стремились утвердить на престоле старицкого князя Владимира Андреевича, отдать часть или все государство польскому королю и перейти в католицизм⁵³. Аналогии распространяются на иноземные государства: заговор двоюродного брата царя сходен с борьбой Ягелло против Кейстута в Польско-Литовском государстве; бегство А.М. Курбского подобно изменническому отъезду князя Свидригайло и его борьбе против Ягелло; в Швеции сторонники Юхана III московские послы признали изменником Эрика XIV и т.д.⁵⁴

Постепенно борьба с изменой осваивает всемирное прошлое, становясь в Посольском приказе излюбленным способом исторического обобщения.

---

⁵¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским: репр. воспр. текста изд. 1981 г. / подгот. текста Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыкова. М., 1993 (далее — ПИГАК). С. 27.

⁵² ПИГ. С. 193.

⁵³ ПИГАК. С. 104; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 10. Л. 457—457 об.; Кн. 12. Л. 278 об., 289—289 об.; Кн. 13. Л. 321—321 об.; Кн. 14. Л. 340—341.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 270—270 об.; СИРИО. Т. 129. С. 164.

«Измена» как категория посольского дискурса удобна тем, что намечает в любом конфликте «обратную перспективу», объединяя все добродетели в лике законного государя и все зло в образах его противников. Преступление, характеризующее этим понятием, в посольской истории обретает черты заговора постоянно действующей сети лиц, в котором сменяются участники — ими могут быть отдельные лица, территории и государства, — но в полной мере сохраняются разрушительные планы, направленные против персонифицированной идеи государства. Поскольку само понятие «измены», видимо, пришло в посольский язык из религиозного, вытеснив древнерусское понятие «перевет», то появилась возможность связать в нем преступления, которые ранее могли считаться нетождественными⁵⁵. Московское летописание с конца XV в. развивает историю отношений между Москвой и Новгородом именно в этом направлении как противостояние законных православных государей и отклоняющихся от закона вероотступников. В 1570 г., когда Новгород подвергся опустошительному разгрому, в Москве оправдывали резню извечными изменами новгородцев и их возобновившимся желанием изменить царю и православию⁵⁶, а жестокость расправы восхвалялась в посольском наказе того же года и подкреплялась исторической перспективой: «коли князь Семен Лугвень и князь Михайло Олелкович в Новгороде был, ино и тогда Литва Новагорода не умели удержати, и чего удержати не умели, и на то что и посягати? А государь наш... свое царство держит от Божии десницы, и чего кому Бог даст, и тому того собою как взяти?»⁵⁷.

В руках дипломатии оказался действенный способ описания межгосударственных отношений из перспективы посольской истории. В речи, обращенной к Антонио Поссевино, царь использует этот прием, как бы не замечая, что в его истории понятие суверенитета («своя воля») Ливонии без какого-либо логического и хронологического перехода обращается в понятие предательской смены подданства («израдили»): «А что панове говорят, что Лифлянты утеклис до королей полских и великих князей литовских, ино покаместа они в своей воле были, и они почему к ним не утекалис? И как они нам израдили, и мы на них гнев свой положили и их разрушили, и они к ним утеклися. Ино во всей вселенной хто беглеца принимает, тот с ним вместе неправ живет»⁵⁸.

---

⁵⁵ Ср.: Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1991. Т. IV. С. 42—46; М., 2000. Т. VI. С. 367.

⁵⁶ Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / подгот. текста, коммент. А.А. Зими́на; под ред., предисл. Л.В. Черепнина. М., 1978 Ч. II. С. 436; *Auerbach I. Ivan Groznyj, Spione und Verräter im Moskauer Russland und das Grossfürstentum Litauen // Russian History. 1987. Spring-Winter. S. 10.*

⁵⁷ СИРИО. Т. 71. С. 777.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 196 об.

Московская знать также применяет понятие «измена» в его анахроничном значении в своих местнических пересудах. В 1575 г. в местническом деле с Ф.И. Бутурлиным Ж.И. Квашнин рассказывает, будто его предок и верный слуга московского князя Родион Нестерович Рубец в начале XIV в. разгромил тверское войско предка Бутурлиных Акинфа Гавриловича Великого, его голову насадил на копьё и привез ее князю со словами: «Се, господине, твоего изменника и моего местника глава»⁵⁹. И «местник», и «изменник» анахроничны для конца XIII — начала XIV в., но сами по себе абсолютно достоверны для приказных служащих второй половины XVI в., которым был предназначен захватывающий рассказ Квашнина.

В сложившемся устройстве посольской памяти все ее составляющие требовали постоянного внимания. Церемониальное «повторение» прошлого утверждалось в церемониях коронации, торжественных процессий и речей, публичного покаяния или «земских соборов». Летописные и хронографические тексты, а также новый — и возникший, видимо, при непосредственном участии дипломатов — жанр церемониальных историко-генеалогических сказаний вступают в сложные и неизбежно противоречивые связи с практикой посольского произнесения «истинных» историй и воспроизведения соответствующего прошлого в изобразительных и артефактных рядах. Помимо сугубо ведомственных работ по приведению прошлого в соответствие с нуждами конъюнктуры необходимо было следить за тем, чтобы все разработки сохранялись в тайне от дипломатических партнеров. Поэтому посольское ведомство с особой тревогой относилось к тем изменникам, которые обладали доступом к сведениям о Русском государстве. Иван Грозный счел нужным изложить в Первом послании Курбскому хронографическую версию предыстории имперской власти, упреждая рассказы эмигранта, который отказался молчать о делах своего бывшего государя и заявил, что его деяния «неслыханны от века»⁶⁰. В годы опричнины делалось все возможное, чтобы данные о ситуации в стране не просачивались за рубеж. Посольство М.Д. Карпова, П.И. Головина и К.Г. Грамотина получило в 1581 г. наказ на вопрос о строительстве двора государя под Москвой намекнуть о превратных устных рассказах московских перебежчиков королю: «Те у вас слова, панове, от нашего государя изменников, что затеют, а вас ложью оболстят,

---

⁵⁹ Маркевич А.И. О местничестве. Ч. I. С. 174—181; *Он же*. История местничества... С. 235—236.

⁶⁰ Заметим, что в «Истории» Курбского наряду с аргументом новизны московских гонений проводится идея о давнишнем «кровопийстве», колдовских наклонностях и малодушии московских великих князей. Впрочем, вряд ли в этом случае ориентиром для Курбского служила посольская историческая модель: «История» содержит оговорки о добродетелях Ивана III и призывы покаяться и вернуться ко временам Избранной рады, в которые, конечно, царь Иван притерпелся добродетелей, служа примером самому себе. Подобный драматизм посольскому взгляду на прошлое чужд.

и вы тому верите, а ставите такие безделные слова все в дело, и тех речи слушати нечего. Государя вашего люди, которые ко государю нашему приехав, да чего не говорят про государя вашего, а говорят много и правды. Да государь наш как есть государь христьянский никоторых таких речи баламутных ни у кого не слушает и бояром своим слушати не велит, а вы сами ведаете, как захотите». В ответе от сентября 1581 г. на «укоры» и «лаи» Иван Грозный также предполагает, что дурную славу ему создают изменники: «Или хто будет ему израдца наш, отбежавши от нас, сказал ему негараздо или его гонец или посланник негараздо сказывал, и он то все в правду поставил, и мы противу его укоризны писати не хотим»⁶¹.

Причастность к посольскому делу означала причастность к государству, окутанному тайной. В XVII в. посольский служащий давал обязательства верно служить государям, «и государские думы и боярсково приговору и государских тайных дел русским всяким людем и иноземцом не проносити и не сказывати, и мимо государской указ ничего не делати, и с иноземцы про Московское государство и про все великие государства Российскаго царствия ни на какое лихо не ссылатися и не думати»⁶². Умение молчать и не разглашать секретные дела дополнено здесь клятвенной формулой о «ссылке» (связи) с иноземцами «про государства». Запрет распространяется на любой подобный умысел: в качестве преступления может рассматриваться как желание «лиха», так и любая «ссылка», которая приводит «на лихо». Государству нужно было научить своих людей молчать, поскольку любой из них мог, не подозревая о том, нарушить уже существующие границы между своим и чужим. Идеальный служащий отныне говорит по наказу, а перейдя на службу к иноземному государю, ведет себя, как предписывалось в июле 1583 г. вести себя московским кречетникам, если король Стефан Баторий вдруг попросит какого-нибудь из них остаться у него при кречетах: «чтоб жил крепко и не пил много, ничего не розговаривал ни о каких делех»⁶³.

Память и коронационный церемониал

В центре внимания посольского ведомства конца XV — XVII в. оказывается титул государя. Бороться за него приходилось как бы исподволь, всякий раз подчеркивая, что спорить не о чем, что московская власть не нуждается в том, чтобы кому-то доказывать свои права, раз уж она ими пользуется от Бога. Посольские дела не подтверждают распространенный в историче-

⁶¹ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 284 об.—285.

⁶² Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 56—57. Примеч. 2.

⁶³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 14. Л. 694 об.

ской науке тезис об обожествлении власти государя в московской идеологии. Власть государей происходит «от Бога», но никогда не объявляется божественной как таковая⁶⁴. Как раз венчание на царство, возвышавшее царя над его подданными, содержит в поучении митрополита слова: «Аще бо и неприступен еси, царю, нижнего ради царства, но удобь приступен буди, горняя ради власти, но имаши и сам царя, иже на небесех»⁶⁵. Известен протест Ивана Грозного против отождествления своей власти с властью Бога. В послании Стефану Баторию от сентября 1581 г. он негодует, что его люди «говорили о Лифлянской земле потому как Олаферновы слуги, а нас Богом звали. И мы того не ведаем, кто будет так говорил. А мы того говорить не веливали никому. А он сам завсе пишет и хвалитца болши Алаферна и пишет в своих грамотах так, чтоб мы ему поступили все Лифлянские земли»⁶⁶. Московский царь сдерживает свой авторитет не только перед властью Царя Небесного, но и перед иноземной властью⁶⁷.

Борьба русских дипломатов в правление Ивана III и Василия III была направлена на признание московского великого князя как законного наследника («отчича и дедича») всех русских земель от своих прародителей, государя «всая Руси»⁶⁸. Еще в 1488—1489 гг. в переговорах Ивана III с императором Фридрихом III титул не интересовал московскую сторону и не рассматривался как воплощение суверенитета. Признания Москвы заслуживала только преемственность власти «государя на своей земле» великим князем от его прародителей, а ими — «от Бога»⁶⁹. Подразумевалось, что государь не нуждается в коронации, чтобы считаться равным императору. Ивана III признавали царем Дорпат (1474 г.), Швеция (1482 г.), крымские купцы-евреи (1484 г.), Ганза (1487 г.), Любек (1489 г.), Ливония (конец 1480-х гг.), Дания (1493 г.)⁷⁰. Об актуальности имперского статуса свидетельствуют брак Ивана III и Софьи Палеолог (1472 г.), использование двуглавого орла Священной Римской империи на государственной печати (1490-е гг.), венчание Дмитрия Ивановича на великокняжеский престол (1498 г.). При этом по крайней мере до

---

⁶⁴ Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1. С. 114—116.

⁶⁵ Идея Рима в Москве XV—XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Предварительное издание. М., 1989 (далее — ИРМ). С. 89, 116.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 283—283 об.

⁶⁷ Это не решает сложный вопрос о развитии в России преклонения перед царской властью. Вместе с тем сакрализация власти не является линейным процессом и ни при каких обстоятельствах, по крайней мере в XVI в., не отражается на дипломатической переписке.

⁶⁸ Vodoff W. La titulature princière en Russie du XIe au début du XVIe siècle // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Wiesbaden, 1987. Bd. 35. P. 6—20, 31—35.

⁶⁹ ПДС. Т. I. Стб. 12.

⁷⁰ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 87. Примеч. 62; С. 102. Примеч. 139.

1510 г. царский титул не был предметом беспокойств московских великих князей: конструкция «государь на своей земле» на языке дипломатии Ивана III была синонимична царскому титулу.

Возникновение особой тревоги вокруг статуса великого князя Московского иногда относят к завершающему этапу кризиса в отношениях Василия III и венчанного великого князя Дмитрия Ивановича⁷¹. Если не считать факт венчания Дмитрия Ивановича, то вывод об устойчивой связи московских имперских амбиций с коронационной церемонией может опираться на слова московских дипломатов во время переговоров с посольством витебского воеводы князя С.А. Збаражского в 1556 г. Однако исследователи не обращали внимания на употребление великокняжеского титула в сравнении с титулами европейских и азиатских правителей в московской посольской практике. Титул «великий князь» не переводился ни на европейские (*Archidux, Ertzhertzog*), ни на восточные (*улугбий*) языки; не считался допустимым даже полонизм (*великий княже*). При этом, например, титул «*улугбий*» переводился просто как «*князь*», а распространенный в Европе применительно к Московскому государству титул «*эрцгерцог*» переводился «архидука» или «архидукс», «архиарцух», «архикнязь», «навышший князь». Русская дипломатия в переводе титулов цесарских и султанских «годовников» старательно избегала аналогий с великокняжеским титулом, тем самым подчеркивая имперский статус не только своего *господарского* имени, но и *великокняжеского*⁷².

Венчание на царство до 1546 г. в Русском государстве не рассматривалось как необходимый обряд превращения великого князя в царя. Получение короны из рук подчиненного Османской империи константинопольского патриарха или католика-папы не было привлекательным способом обретения преимуществ царского титула. Но и венчание на царство Ивана IV в 1547 г. не было легитимным с точки зрения обоих Римов и было равносильно самопровозглашению царем. Однако оба источника возможного легитимного венчания русской стороной воспринимались не как источники, а лишь как гаранты легитимности. Они должны были не произвести венчание, а лишь признать его. Иван IV утверждал, что его предки имели право на царский титул и не обладали им лишь потому, что не венчались. Но как показывают примеры его отца и деда, борьба «прародителей» за признание их царственности не вызывала у них желания принимать корону на каких-либо еще основаниях, помимо генеалогической преемственности их власти. Регулярное обращение московских книжников к своим великим князьям как

---

⁷¹ Хорошкевич А.Л. Великий князь и его подданные в первой четверти XVI в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Международная конференция — Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина: тез. докл. М., 1994. Ч. 2. С. 165—166.

⁷² Подробнее см.: Ерусалимский К.Ю. Представления Андрея Михайловича Курбского о княжеской власти и русских князьях IX — середины XVI в. // Соціум. Київ, 2004. Вип. 4. С. 71—100.

к царям со времени Василия II также должно учитываться как показатель особого восприятия царской власти, отличного от церемониального легитимизма времени Ивана Грозного.

В пользу имперского статуса великокняжеского титула было и то, что император Максимилиан в своей грамоте от 4 августа 1514 г. титуловал Василия III «кайзером»⁷³. После переговоров Русского государства и Империи в 1517 г. Польша выступила с протестом против незаконного применения имперского титула к великому князю Московскому, и имперскому послу С. Герберштейну пришлось оправдываться, что император не подразумевал закреплять царский титул за московскими великими князьями. После этого в имперских грамотах титул цесаря исчезает, но московская сторона, воспользовавшись прецедентом в борьбе за признание царского титула, начинает ссылаться на грамоту 1514 г. На тех же переговорах с Империей возник проект раздела Польско-Литовского государства, причем сферой интересов царя были определены «русские города», а вотчиной цесаря были признаны «пруссские города»⁷⁴. В 1519 г. прусский магистр сообщает великому князю Московскому, что папа Лев X собирает лигу против Турции и готов принять Василия Ивановича и всех русских в лоно католической церкви при сохранении «их добрых обычаев и законов», при этом папа признает право великого князя на Константинополь⁷⁵. Еще в 1473 г. венецианский Сенат признал права московских великих князей на «византийское наследство», однако ни тогда, ни в 1519 г. эти планы, видимо, не вызвали намерений, сопоставимых с «греческими проектами» XVIII и XIX вв.⁷⁶ Предложения не были приняты в Москве, однако в переговорах с Тевтонским орденом в 1520 г. русская сторона заявляет о поддержке притязаний Ордена на захваченные Ягеллонами Гданьск, Торунь, Мальборк и Хвойницу, якобы искони (от «общего предка» прусских и российских государей Пруса, легендарного брата императора Августа) принадлежавшие Пруссии⁷⁷.

В ближайшие годы после предложений папы римского в московской княжести сращиваются разрозненные имперские идеалы, постепенно захватывая церковную и придворную публицистику, историописание, церемониал.

---

⁷³ ПДС. СПб., 1852. Т. II. Стб. 1431—1448; ПДС. Т. I. Стб. 1501—1510.

⁷⁴ ПДС. Т. I. Стб. 270.

⁷⁵ СИРИО. СПб., 1887. Т. 53. С. 85, 91, 92.

⁷⁶ См.: *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2004.

⁷⁷ *Гольдберг А.Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 208; *Дмитриева Р.П.* Политическая теория великокняжеской власти на Руси в 20-х годах XVI века («Сказание о князьях владимирских») // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. VI Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 28—30 мая 1986 г. М., 1997. С. 275—281.

Изменения в «теориях» священной преемственности царств в правление первого русского царя происходили стремительно и в тесной связи с дипломатическими амбициями сравняться в статусе с императором Священной Римской империи. Русский Хронограф, подготовленный в конце 1510-х — начале 1520-х гг., впервые включил русские земли в ранг мировых царств. Церковный летописный свод, составленный в канцелярии митрополита Даниила, представлял русские земли как искони приверженные православию. Все связи с Римом ограничивались здесь военными столкновениями и неоправданными претензиями папства. Дипломатия имела возможность апеллировать к традиции в споре за особый православный имперский титул. Легитимность православия дополнялась легендами о княжеском суверенитете, в котором первоначально имперские истоки русской власти понимались как следствие не обряда коронации, а генеалогической преемственности с представителями римской императорской «семьи».

Ранее прочих сложилась легенда о родстве московских государей с императором Августом и передаче царских регалий из Византии на Русь («Константиновом даре»). Ромейское наследство было настолько очевидно для составителей «Сказания о князьях владимирских», что само по себе никак не комментировалось, а заявлялось как установленный аргумент. В сборниках 1520-х гг. «Сказание» появляется в сопровождении краткой генеалогии литовских князей, направленной на принижение родового статуса и территориальных прав Ягеллонов⁷⁸. Унизительная генеалогия, выводящая род литовских князей от простолюдина-конюха, была распространена в прусских хрониках еще в XV в., откуда она перешла в польские хроники Я. Длугоша, М. Кромера, Й. Бельского и в московскую книжность⁷⁹. Исчезла она из официальных московских текстов в 1540-х и окончательно к 1560-м гг. в связи с осмыслением преемственности власти Ивана Грозного от русских и литовских князей одновременно⁸⁰.

Судя по всему, «Сказание» тесно связано с «прусским вопросом» 1520-х гг. и первоначально служило не столько декларационной основой для внешнеполитических выступлений, сколько их следствием — выжимкой, кратким пособием или плодом фабрикация посольского ведомства. За «прусским вопросом» в «Сказании» прочитываются новые ориентиры Русского государства в международной политике. Законными императорами в нем признаются два наследника римского цесарского рода — московский великий

⁷⁸ Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 179.

⁷⁹ Яковенко Н.Н. Персональный состав княжеской прослойки Волыни и центральной Украины конца XIV — середины XVII в. Князья в свете закона и традиций // Историческая генеалогия. Екатеринбург, 1993. Вып. 1. С. 35.

⁸⁰ Бычкова М.Е., Смирнов М.И. Генеалогия в России: История и перспективы. М., 2003. С. 23, 35.

князь и цесарь Священной Римской империи. Московские государи намечают в перспективе раздел вселенной, в древности якобы разделенной между родственниками Цезаря Августа, и проявляют особый интерес к Великому княжеству Литовскому, оставив за цесарем право на решение «прусского вопроса» в своих интересах и отложив османскую тему на неопределенную перспективу.

В «Летописце вкратце» Михаила Медоварцева конца 1520-х гг. рассказ о родстве Рюрика с Прусом и императором Августом и о приглашении Рюрика из Прусской земли появляется в статье 6360 г., вынесенной в преамбулу летописи⁸¹. В I редакции Воскресенской летописи (1533 г.) за оглавлением следовала статья о происхождении православных русских государей «от Августа царя римского», в тексте появился рассказ о походе князя Владимира Всеволодовича на Византию (под 1113 г.) и передаче на Русь «Мономаховой шапки», но проникновение легенды в летопись еще не вызвало пересмотра других разделов текста, и Рюрик остался «от рода Варяжска», а не от «Римска» или от «Прус»⁸². В 1547—1553 гг. после московских пожаров в церемониальной Золотой палате был создан визуальный ряд, соответствующий имперским идеалам: в сенях на сводах Моисей выводит избранный народ из Египта и передает власть Иисусу Навину, на стенах 10 батальных сцен из книги Иисуса Навина, а в самой палате — крещение и брак на византийской принцессе князя Владимира, посылка даров от императора Константина Владимиру Мономаху и т.д. Предания дополнялись изображениями праведных царей от Давида до Иосафата и князей от Владимира Святославича до Ивана Грозного⁸³.

Первое дипломатическое испытание генеалогические выкладки о римском наследии прошли в 1549 г., когда намеченная преемственность венчания от Владимира Мономаха вызвала недовольство польско-литовской стороны. Ответом короля Сигизмунда II Августа было заявление о том, что никто из предков московского государя царем не назывался, а Владимир Мономах был главой «царства Киевского», которое находится под властью короля, и поэтому царем может считаться только король. На языке дипломатии это значило: великий князь, не владея царством, не может считаться царем. Титул должен был обеспечиваться владением, а не родством и коронацией. Отчина, бывшая в распоряжении Ивана IV, не считалась царством и не могла вне традиции международных отношений в него превратиться. Московская сто-

---

⁸¹ ИРМ. С. 49.

⁸² *Илиева И.И.* Роль московского летописания второй половины XV — первой трети XVI века в формировании идеологии самодержавия: дис. канд. ист. наук. М., 1981. С. 136—144.

⁸³ *Флайер М.* К семиотическому анализу Золотой палаты Московского Кремля // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 178—187; *Роуленд Д.* Две культуры — один Тронный зал // Там же. С. 188—201.

рона на московских переговорах 1549 г. попыталась обратиться к прошлому Польши и Литвы и провела аналогию венчания великого князя на царство с коронацией Ягайло. Пример не мог подействовать, поскольку королевские послы не были уполномочены на какие-либо уступки. Обмолвка о «царстве Киевском» не означала, что польский король претендовал на титул царя или действительно считал Киевскую Русь царством. Это был лишь намек, что претензии Москвы неуместны. Но в Москве, окруженной мусульманскими и христианскими царствами, границы с которыми были спорными, сформировалось убеждение, что государь правит «всею Русью». Имя Владимира Всеволодовича Мономаха упоминалось как символ единства государевой отчины, и в этом едином государстве территории Киевской Руси принадлежали великому князю Московскому. В Киевском царстве король считался узурпатором, поэтому аргумент противника мог быть повернут против него самого. Но такое понимание истории означало бы уже косвенное объявление войны, а правителю Русского государства нужен был мир.

В декабре 1550 г. посольство Я.А. Остафьева получило наказ, в котором был расширен военный аргумент. Якобы инсигнии (венец, диадема и «иные дары многие») были присланы с митрополитом Неофитом Эфесским Владимиру Мономаху после похода русского войска на владения императора Константина Мономаха; теми же инсигниями венчал на царство Ивана IV митрополит Макарий⁸⁴. Исторические представления этого времени воплощены в композиции Царского места, которое было возведено 1 сентября 1551 г. у юго-восточного столпа кремлевского Успенского собора. На фризе над дверцами моленной читается резная надпись с обращением Бога к царю с обещанием защиты, славы и подчинения «языков» за его праведное правление⁸⁵. Ниже в четырех надписях на медальонах отрывок из «Сказания о князьях владимирских», посвященный походу войск князя Владимира Всеволодовича на Фракийскую область, посольству Константина Мономаха, его дарах (крест животворящего древа, сердоликовая чаша императора Августа, золотая цепь, бармы, царский венец) и венчании Владимира на царство с получением прозвища Мономах.

Уже к 1553 г. стало очевидно, что греческая предыстория венчания Ивана IV на царство не впечатляет дипломатических партнеров. Вынудить признание титула путем встречного непризнания королевского титула короля тоже не получилось, так как это шло вразрез и с общепризнанными европейскими традициями — которые русские политики стремились изменить только в отношении московского государя, — и с предшествующими исто-

---

⁸⁴ СИРИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 345.

⁸⁵ Соколова И.М. Царское место первого русского царя: замысел и форма // Россия и христианский Восток. М., 1997. Вып. 1. С. 138—139.

рическими экскурсами Посольского приказа: коронация Ягайло была упомянута московской стороной как легитимная⁸⁶.

Два новых аргумента в 1553 г. расширили первоначальную историческую перспективу сразу в двух направлениях — венчание Владимира Святого на царство после крещения углубляло генеалогию царственных прародителей, а взятие Казани русскими в 1552 г. призвано было продемонстрировать божественную милость к московскому государю. Исторических свидетельств о том, что Владимир I «писался царем», не хватало, и в ход пошли иконы: «а как преставился, ино и образ его на иконах пишут царем»⁸⁷; вместо «иных даров» Константина Мономаха, упомянутых в 1550 г., появился крест «животворящее древо Христово», прославленный как символ победы христианства над исламскими «чарами» в Казанском взятии⁸⁸; появился напарник митрополита Неофита стратиг императора Августалий; добавился ответ на вопрос о «месте царском» — если даже (Московская) Русская земля не признается таковым, царь взял Казань, «и то, панове, — сказали бы русские послы, — место Казанское и сами знаете извечное царское потому ж, как и Русское»; на крайний случай сохранялось напоминание о титуле «государя всея Руси», за который приходилось бороться Ивану III⁸⁹. Миф разросся, но стал громоздким и расколотым на несколько позиций. В то же время он проник в московское летописание.

В первую же статью памятника середины 1550-х гг. Летописца начала царства за 7042 (1533/1534) г. редактор внес дополнение к сведениям источника, ограничивавшегося рассказом о благословении на великое княжение Василием III своего сына Ивана крестом митрополита Петра⁹⁰. Согласно новой

---

⁸⁶ СИРИО. Т. 59. С. 352—354, 359, 360.

⁸⁷ В письме Ивана Грозного Александру Полубенскому (1577 г.) также «скифетродержанье в Росийской земле» производится «от сего великого Владимира, иже во святом крещении Василия, иже царским венцом описуется на святых иконах» (ПИГ. С. 201—202). Иконы должны были выполнить миссию исторического свидетельства. Для московской стороны они были столь же достоверным памятником, как письменные упоминания и ритуальные принадлежности. Князь Владимир Святой, предположительно, изображен в венце четвертым в центре после архангела Михаила, Ивана IV и Константина Великого на иконе «Благословенно воинство Небесного Царя», созданной, видимо, вскоре после Казанского похода 1552 г. Королевские послы, какого бы исповедания они сами не придерживались, должны были учитывать расхождения между православными и католическими представлениями об иконописи. Аргументация московской стороны демонстрирует устройство памяти, модель исторического мышления, в которой иконопись выполняла чрезвычайно большую удостоверительную роль. Впрочем, такую же роль играет римская символика государственной печати в переписке Ивана IV с Юханом III и «шапка Мономаха» в переговорах дипломатов Ивана IV с А. Поссевино и при его посредничестве с представителями Стефана Батория.

⁸⁸ *Курбский А.М.* История о великом князе московском. (Извлечено из «Сочинений князя Курбского».) СПб., 1913. Стб. 32.

⁸⁹ СИРИО. Т. 59. С. 437—438.

версии, Василий III благословляет сына уже дважды, и второй раз — крестом Мономахов, царским венцом и диадемами («и сим сыну своему на царство венчаться повелевает, еже божиим благоволением и бысть») и вручает ему скипетр «великыа Русиа дръжаву, великое княжение Володимерское, и Московское, и Новгородское, и всеа Русии великое государство»⁹¹. В «*Степенной книге*» отразилась редакция этого варианта, согласно которой Ивану Васильевичу вручалась еще и «прочая утварь царская Манамарша»⁹².

Около того же времени началось формирование родословной книги, завершение работы над которой относят к 1555 г. и связывают с А.Ф. Адашевым. В преамбуле род московских государей возводился к брату римского императора Августа Прусу: «В распятии Христове был в Риме первый царь Август кесар, а у него был брат Прусь, а от Пруса четвертое колено князь Рюрик первый руский князь пришел с пруского места от немец от роду царьскаго, сел на Новеграде на Великомь, а до Рюрика князя в Руси не было». Вслед за своим источником составитель Родословца считает Рюрика правнуком Пруса («четвертое колено»). За Прусом были закреплены, как и в «*Сказании о князьях владимирских*», «Мадборак, и Туроной, и Хвалинцы, и преславы Гданеск, и иных многих градов по реку глаголемую Немон». Роспись княжеского рода попала в ряд списков «*Степенной книги*», для которой ее принцип исчисления колен составил основу. Начало составления Родословца, как представляется, может быть отнесено ко времени до 1553 г., поскольку в этом году Посольским приказом выдвигаются версии о царском происхождении Владимира I и Владимира II, чего еще нет в Родословце. Кроме того, в качестве датирующего признака можно признать расхождение частей преамбулы в титуле царя Ивана Васильевича: сначала он лишь царь и великий князь «всеа Русии», и только в лестнице его самодержавия он царь, великий князь «всеа Русии, нынешней государь Руской земли и Казанской и Астараханской»⁹³.

Римская генеалогия венчания московского государя на царства была впервые использована в дипломатических отношениях с Польшей в 1556—1557 гг., вероятно, как ответ на замечание, что «царем» может титуловаться только император Священной Римской империи. Маневр не возымел действия, легенду о генеалогии от Пруса и Августа противная сторона несколько раз требовала подтвердить. Повторение легенды московской стороной с требованием титуловать московского государя царем было эффективным посольским

---

⁹⁰ Ранняя версия благословения отразилась в Новгородском летописном своде 1539 г. и Воскресенской летописи (ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 559—560; СПб., 1859. Т. 8. С. 285).

⁹¹ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 75—76; ПСРЛ. СПб., 1914. Т. 20. Ч. 2. С. 419—420; ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 9.

⁹² ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 613.

⁹³ РГАДА. Ф. 196 (Ф.Ф. Мазурин). Оп. 1. Д. 240. Л. 17 об.—24 об.

приемом: главным доказательством правдивости прошлого должно было стать как раз то, что его признают иностранные представители. Историческая претензия была безвыходным замкнутым кругом. История превращалась в часть церемониала, и доверять ей требовалось для соблюдения того же церемониала. Польско-литовские послы требовали аргументов, чтобы придерживаться «обычая», но они не имели права требовать аргументов, так как это было бы нарушением «обычая». Непризнание родословия означало непризнание титула и вело к разрыву посольских отношений. Но если бы послы и согласились с генеалогией Ивана Грозного, они создали бы прецедент, который не позволил бы впоследствии сомневаться в правомерности генеалогии и был бы использован московской стороной в дипломатических отношениях с другими странами.

К концу 1550-х гг. благодаря новым завоеваниям набор свидетельств богоугодности московской власти возрос. Феодорит Кольский, 30 января 1557 г. отправленный к константинопольскому патриарху Иоасафу II, получил задание исповестить верховного иерарха о венчании на царство⁹⁴. Одного участия в церемонии венчания митрополита Макария (без воли патриарха) было недостаточно для легитимности воцарения. С Феодоритом был отправлен и синодик русских князей, среди которых были «благоверная царица Анна грекиня» и «благоверный царь и великий князь Владимир Манамах»⁹⁵. Но между ними и царем Иваном было множество князей, которые, согласно тому же синодику, не носили царского титула⁹⁶. Этот недостаток компенсировался историей. Прошлому было поручено свидетельствовать, что московский великий князь — настоящий царь, даже если прошлое произошло уже после венчания: «А которого для дела приняли есмя венчанье царства Рускаго изволением и рукоположением и соборными молитвами о Святем Дусе отца нашего и богомолца Макария митрополита всея Руси и всего священного собора Руские митрополии, и коликим милосердием и неизреченною милостию преблагаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа взяли есмя царство Казанское и царство Астороханское со всеми их подлежащими... Яко ж восхоте Бог, сие и сотвори»⁹⁷. Уложенная грамота конца 1560 г. от патриарха Иоасафа II о признании законным венчания Ивана IV обходит стороной вопрос о русских военных успехах и сосредотачивается на легитимности самого венчания со ссылками на венчание Владимира Святославича и законное право *только* константинопольского и римского патриар-

---

⁹⁴ Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т. М., 2004. Т. 1. № 86. С. 210.

⁹⁵ Каиштанов С. М. Царский синодик 50-х годов XVI века // Россия и греческий мир в XVI веке. Приложения. № II. С. 392.

⁹⁶ Там же. С. 398—400.

⁹⁷ Россия и греческий мир в XVI веке. № 89. С. 213.

хов венчать цесарей на царство (на что, как сказано в грамоте, митрополит Макарий права не имел)⁹⁸.

Московский перевод рассказывает совсем другую историю. В чистовой копии перевода, занесенной в Первую греческую книгу, патриарх провозглашает, что Иван Васильевич «от роду своего и крови царские ведетца, иже от тоя приснопамятные царицы и владычицы госпожи Анны, сестры самодръжца и царя багряннородного Манамаха, в шестых же от благочестиваго царя Константина»⁹⁹. Константин VII Багряннородный превращен в Константина IX Мономаха, что соответствовало московской официальной версии перехода царских инсигний на Русь. Чтобы подобие этого «самодержца и царя» с императором Константином Мономахом было более очевидно, в переводе устранены также следы присутствия брата Константина Багряннородного и Анны Василия II Болгаробойцы, имя которого старательно затерто в греческом тексте, где позднее Мономах также появляется как конъектура¹⁰⁰. Затем в переводе создана путаница, до неузнаваемости преобразующая текст оригинала. Патриарх «уразумел», что митрополит Московский и вся Руси Макарий велел венчать благочестивого князя на царство. Непосредственно за фразой о совершенном митрополитом венчании в греческом тексте следует пассаж о направленной патриарху просьбе венчать московского князя, чтобы восполнить бесправный поступок митрополита Макария, а после этого патриаршее благословение¹⁰¹. В русском же тексте сразу за отрывком о московском венчании говорится о решении патриарха благословить князя на царство: «и мы же единым образом уложихом благословити его и венчати на цесарство во благочестие, яко же подобает, еже сотворил волитель митрополит Московский, господин Макарей»¹⁰². И чтобы окончательно устранить критический пафос уложенной грамоты, вводится отрывок о *законе и благодати*: «не токмо един митрополит, елико аще убо и может быти и власть имеет таковое совершити, ни же патриарх который, аще ли бы не по закону, токмо законом бывает благодать тогда римская похвала и Константинаграда»¹⁰³. Иван IV все же счел необходимым оправдаться еще раз в грамоте патриарху от сентября 1564 г., предварительно повторив слово в слово предысторию своего венчания по грамоте патриарха¹⁰⁴. Даже если венчание прошло не по закону, признается он, закон — похвала Риму, а для православия важна благодать, что и патриарх признал своим благословением.

---

⁹⁸ Фонкич Б.Л. Грамота константинопольского патриарха Иоасафа II и собора восточной церкви, утверждающая царский титул Ивана IV // Россия и греческий мир в XVI веке. Приложения. № I. С. 382—383.

⁹⁹ Россия и греческий мир в XVI веке. № 128. С. 265.

¹⁰⁰ Фонкич Б.Л. Грамота... С. 382. Примеч. 4.

¹⁰¹ Там же. С. 383.

В московских переговорах июля — августа 1561 г. с представителями шведского короля Эрика XIV русское государство московского царя произведено московскими дипломатами «от великого царя русского Рюрика и Владимира, крестившаго Русскую землю»¹⁰⁵. Убеждение в исконной царственности русских самодержцев заставило пересматривать весь комплекс официальных летописных текстов и переосмысливать отношения Руси с Византией¹⁰⁶. Во время Ливонской войны в связи со слабой действенностью аргументов о царском происхождении московских правителей потребовалось дополнить «старые мехи». Противоречия, вкрадшиеся в начальную часть Воскресенской летописи, были сглажены в «Книге Степенной царского родословия». В митрополичьей канцелярии была разработана пространная версия о крещении Руси апостолом Андреем, дважды воспроизведенная в «*Степенной книге*» и использованная Иваном Грозным в полемике с папским представителем А. Поссевино¹⁰⁷. Византия, изображенная на иконе «Благословенно воинство Небесного Царя» в виде иссохшего источника, весьма тускло и часто в негативном свете представлена в «Степенной книге»¹⁰⁸. Следы зависимости Руси от византийских императоров и церкви были устранены: Владимир I был крещен, а Владимир II венчан на царство Богом без какого-либо содействия со стороны Константинополя¹⁰⁹. Носителем имперской власти был представлен род московских великих князей, получавший ее по родословной линии от императора Августа. Устраняя на магистрали «Киев — Владимир — Москва» препятствия для своей схемы, книжники уменьшают в русской истории число представителей княжеской власти, переносят основание Владимира в эпоху Владимира Святославича, первое упоминание Москвы под 6655 г. расцветивают как время возрождения царства, а передачу Москвы Александром Невским своему младшему сыну Даниилу — как событие, сопоставимое с началом царствования Давида в Израиле, Владимиру Мономаху и Василию Дмитриевичу вслед за Константином Великим являются знамения креста¹¹⁰. Вслед за летописной повестью Нестора-Искандера, вошедшей уже в Никоновскую летопись, здесь приведено проро-

---

¹⁰² Россия и греческий мир в XVI веке. № 128. С. 265.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. № 135. С. 282.

¹⁰⁵ СИРИО. Т. 129. С. 90.

¹⁰⁶ *Korpela J.* Prince, Saint and Apostle. P. 53. n. 196.

¹⁰⁷ *Синицына Н.В.* Третий Рим. С. 244—245.

¹⁰⁸ *Nitsche P.* Translatio imperii?.. S. 329—332.

¹⁰⁹ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1. С. 92, 188.

¹¹⁰ *Nitsche P.* Translatio imperii?.. S. 327—336; *Lenhoff G.* Unofficial Veneration of the Danilovichi in Muscovite Rus' // *Московская Русь (1359—1584): культура и историческое самосознание.* М., 1997. С. 391—416; *Усачев А.С.* Древняя Русь... С. 249—298.

чество Льва Премудрого: «Росий же род с преждесоздательными всего Измаильта победят и седьмохолмного примут с прежезаконными его и в нем воцарятся»¹¹¹. Брак Ивана III с Софьей Палеолог упомянут мимоходом со ссылкой на летопись, как если бы составитель, по замечанию В.В. Кускова, «не придавал этому событию особого значения»¹¹².

Казанский летописец содержит готовую историю побед русских князей над греками в разделе о совете царя с боярами. Пленение «Греческой земли» Святославом Игоревичем, завоевания его сына Владимира («какo взя велики град Корсунь и ины земля») и поход Владимира Мономаха на «царство Греческое» служат предисловием к посольству митрополита Неофита с епископами Митулинским и Мелетийским, стратигом Антиохийским Иваном, игемоном Иерусалимским Евстафием и другими «благородными мужами» к Владимиру Всеволодовичу; посольство приносит царю помимо драгоценностей дары — царский венец, и багряницу, и скиферт, и сердаликову крабицу, из нея же еще великии Август Римский кесарь на вечерях своих пия веселяшеса». Речь царя в летописце содержит упоминание князя Владимира I еще без намеков на его венчание на царство, которые в посольском деле появляются после взятия Казани. Этот факт заставляет думать, что в текст Казанского летописца включено предвоенное выступление царя без существенной смысловой переработки.

К началу 1560-х гг. русская дипломатия постепенно раскрыла перед своими дипломатическими соперниками набор доказательств имперского происхождения своих государей. Противодействие было минимальным, однако непосредственных результатов исторические выкладки не принесли. Польская сторона ни в то время, ни позднее до 1634 г. так и не признала царский титул московского государя, в чем находила поддержку со стороны своей историографии¹¹³. Это непризнание повлекло за собой со стороны Посольского приказа — помимо дипломатических коллизий — последовательное наращивание легендарных сюжетов, основа которых уже была разработана, а также числа царей в истории Руси. Первоначальная версия московской дипломатии предполагала в ответ на вопрос о московских традициях венчания на царство ссылаться на то, что предки Ивана IV обладали для этого всеми необходимыми инсигниями, но их не применяли, а потому царями не назывались. Исключение составлял единственный царь — Владимир Мономах. Согласно Летописцу начала царства, Василий III только перед своей смертью «повелевает» сыну венчаться на царство. Однако к началу 1554 г.

---

¹¹¹ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21. Ч. 2. С. 504.

¹¹² ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 542.

¹¹³ *Kromer M.* Kronika Polska. Sanok, 1857. S. 29—30; *Гваньини А.* Описание Московии / пер. с лат., введ. ст., коммент. Г.Г. Козловой. М., 1997. С. 90, 92.

царским достоинством был наделен Владимир Святославич, чему содействовали трудности различения этого князя и его тезки Владимира Мономаха. Не позднее середины 1561 г. царем начинает считаться основатель русского княжеского рода Рюрик¹¹⁴, к началу 1580-х гг. — Александр Невский¹¹⁵ и Василий III¹¹⁶. Впрочем, в титуловании Василия III в посольских делах сохранялась такая же неустойчивость, как и в «Степенной книге»¹¹⁷. То же относится к Александру Невскому: он выступает в посольских делах то как великий князь, то как царь.

Дипломатические миссии московского трона конца XVI — начала XVII в. содержат легенды, сложившиеся в правление Ивана Грозного. Посольство князя Ф.Д. Шестунова в Швеции в 1585 г. ссылается на крещение Владимира Святославича, храбрость Александра Невского и собирательную земельную политику Ивана III и Василия III¹¹⁸. Сходные модели воспроизводятся в переговорах с Персией и Речью Посполитой¹¹⁹.

Имперские легенды

В отношениях с христианскими государствами, Казанью и Астраханью русским посольским ведомством были сфабрикованы типологически сходные легенды, объясняющие права московских государей на «всю Русь», Ливонию и осколки Орды. В посольской практике в полной мере дал о себе знать феномен *damnatio memoriae*, который применительно к культурным контактам *религиозного пограничья* Ч. Гальперин назвал «идеологией молчания»: в московских официальных обращениях к истории монгольское господство над русскими землями замалчивалось, а вместе с ним крайне скупо освещалась история связей Руси со степью как таковая¹²⁰. Русские посоль-

---

¹¹⁴ Интересно, что А. Гваньини в своем трактате «*Omnium regionum Moscoviae descriptio*» называет Рюрика (*Rurik Væregus*) первым правителем Новгородской империи, подчеркивая также имперские претензии царя Ивана Васильевича и его окружения (*Гваньини А. Описание Московии* / пер. с лат., введ. ст., коммент. Г.Г. Козловой. М., 1997. Р. 26, 34, 90, 92, 106, 110, 128).

¹¹⁵ Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913. С. 52.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 8 об. (царский титул Василия III в послании Ивана IV папе Григорию XIII от начала августа 1580 г.).

¹¹⁷ Васенко П.Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 122—123; Усачев А.С. Древняя Русь... С. 282—283.

¹¹⁸ СИРИО. Т. 129. С. 455, 458, 501, 506; Солодкин Я.Г. Первое послание Ивана Грозного А.М. Курбскому и русская дипломатическая документация второй половины XVI — XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2004. Вып. 8. С. 118.

¹¹⁹ Солодкин Я.Г. Первое послание Ивана Грозного А.М. Курбскому... С. 118—119.

¹²⁰ Halperin C.J. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985. P. 6, 8, 19—20, 45, 61—74, 127.

ские служащие, как и их предшественники летописцы, в отношениях как с западными, так и с восточными странами стремились обойти молчанием период зависимости «отчины» своего государя от восточных завоевателей. Но если летописцы, молчаливо отвергая право неверных на власть над верными, все же признавали, что за грехи христиан Бог иногда наводит на них татар, то посольские служащие идут гораздо дальше. Во время московских русско-литовских переговоров 25 июня 1566 г. из-за расхождений сторон во взглядах на русское прошлое случился конфуз. Московская сторона отстаивала свое право на Ливонию, ссылаясь на то, что прежние государи эту землю «воевали». Литовский представитель блеснул знанием риторики и логики: «В крониках написано, что в прежние лета татарове и Москву воевали и иные места, и татаром те места вотчиною не называти ли?». На что получил ответ: «Мы того не слышали, чтобы татарове Москву воевывали, того не написано нигде»¹²¹. В переговорах с крымским ханом о выплате «поминков» царь Иван отговаривался неведением о размере прошлых выплат и ссылаясь на то, что сведения сгорели в пожар¹²².

В Европе было хорошо известно о татарской зависимости русских земель, и сам регион, частью или непосредственным соседом которого была Московия, появился на европейских картах XVI в. под названием «Tartaria». Совместные усилия московских дипломатов и историков XVI в. были направлены на доказательство обратной зависимости. Посольский приказ XVI в., пользуясь инструментарием, к которому мы сейчас обратимся, успешно подчинил историю отношений Руси с остатками Орды своим задачам.

Господство над Казанским ханством было заявлено в титуле Ивана III «Болгарский»¹²³. С конца XV в. в официальных летописях появляются рассказы о том, что болгары платили дань Владимиру Святославичу¹²⁴. По данным свода митрополита Даниила конца 1520-х гг., на волжских и камских болгар ходили в древности князь Кий, в 6505 (996/7 сентябрьском) г. их одолел и пленил Владимир, причем, согласно летописи, болгары — это те, «иже нарицаются казанцы»¹²⁵. Имперский посол Сигизмунд Герберштейн в 1517 г. узнал при московском дворе, что Иван III «татаром неверным царство Казанское отдал»¹²⁶. Его исправили: еще при предках московского государя и ныне «по тем местом живут цари и царевичи нашим жалованием,

¹²¹ СИРИО. Т. 71. С. 385—395.

¹²² Соловьев С. М. Сочинения. М., 1989. Кн. III. С. 585.

¹²³ Кучкин В. А. Происхождение русского двуглавого орла. М., 1999. С. 21.

¹²⁴ Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438—1560s). The Hague; Paris, 1974. P. 98.

¹²⁵ Ibid. P. 97—103; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 101.

¹²⁶ ПДС. Т. I. Стб. 281.

да и иным многим царем и царевичем, которые нам служат, даем в своих государствах места, свое жалование»¹²⁷. В переговорах Василия Третьяка-Губина с турецким султаном Сулейманом Великолепным 1521 г. казанские цари от Махмута до Мехмет-Эмина признаны русской стороной «опришными», то есть независимыми¹²⁸. Однако с начала 1520-х гг. ведущей становится идея о Казанском ханстве как «издревле», «изначала», «изстари» отличные «наших» московских князей¹²⁹. Переговоры с Саип-Гиреем проходят со ссылками Москвы на старые летописи, которыми утверждается ее право на владение Казанским ханством начиная с Ивана III¹³⁰. В 1551 г., согласно Казанскому летописцу, состоялся царский совет в кремлевской Золотой палате, причем в своей речи царь объяснял необходимость войны на примерах из эфиопской и древнерусской истории, но особое внимание уделил своему царственному происхождению от якобы захватившего «царство Греческое» Владимира Мономаха¹³¹.

Казанские походы конца 1540-х гг. сформировали в Москве новое понимание отношений между христианством и Казанским царством. Царь должен был оправдывать «надежду» своих советников на продолжение военного покорения «бусурманского рода» под свою саблю. Война представлена в посольских текстах этого времени как древнее противостояние христианства и ислама, которое царю дано победоносно завершить, уничтожив всех казанских «бусурман», выведя «лучших людей» в Москву, сокрушив мечети и на их месте воздвигнув церкви. Ограничить влияние этой идеи необходимо ее практическим значением в переговорах бояр 1552—1554 гг. с Избранной радой по вопросу о мире и совместных действиях «христианской руки» против «бесерменской руки». Казанское завоевание было предъявлено литовской стороне как выдающееся и переломное событие, произошедшее по милости Бога. Подтекст этой «милости» также был определен и заключался в том, что к Русскому царству прибавилось еще одно царство, — и Великое княжество Литовское должно признать за государем царский титул¹³².

С другой стороны, предстояло обосновать вотчинное право государя на Казань. В годы первой казанской войны за независимость (1552—1559 гг.) была разработана версия о том, что начиная с Юрика русские князья правили в Поволжье и собирали дань вплоть до Камы и Каспийского моря¹³³.

---

¹²⁷ Там же. Стб. 287—289.

¹²⁸ СИРИО. Т. 35. С. 559; СИРИО. Т. 53. С. 218.

¹²⁹ СИРИО. Т. 59. С. 26, 40, 54, 116, 179, 136, 227, 263, 320, 343.

¹³⁰ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. 8. Стб. 26.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 19. С. 99—102, 379—385.

¹³² СИРИО. Т. 59. С. 372, 437—438.

¹³³ Pelenski J. Russia and Kazan... P. 92—94, ср.: с. 118. Среди источников этой версии, а также идеи о Казанской земле как «Русской», Я. Пеленский не называет рассказ, сходный

Как некоторое отступление в риторическом оформлении взятия Казани может рассматриваться встреча царя в середине октября 1552 г. в Нижнем Новгороде с представителями царицы Анастасии, князя Юрия Васильевича и митрополита Макария: «и здавствствоваша государю на его Богом дарованней вотчине, царстве Казаньском»¹³⁴. В этот период в переговорах с литовскими послами «извечное» право московских государей на Казань не объявляется, а московским представителям приходится оправдываться и отвечать на вопрос «Казань от вашего государя опять отложила?». При этом ответ включал в себя и такое замечание: «Которые люди побиты, те ся отложили, назад им не бывати; которые ж не побиты, и яз тех ведаю, что государю дань дают»¹³⁵. А.М. Курбский в своей «Истории» шесть лет после взятия Казани также считает временем независимости оставшихся казанских князей и затажной войны¹³⁶.

После завоевания Казанского ханства и включения его в титул московского царя Казань, как затем Астрахань, ногаи, черкасы, упоминается в посольских наказах после татарских земель, сохраняющих суверенитет, и при необходимости с оговорками: «Поворовали были казанские люди черемиса луговая, и отец государя нашего блаженные памяти царь и великий князь Иван Василевич всеа Руси за их воровство велел их повоевати, а воров казнити»¹³⁷. Представитель римского папы Григория XIII Антоний Поссевино мог услышать от московского пристава историю извечной зависимости Казани: «Казанское царство великое! Изначала садилис цари на царство на Казанское из рук государей российских. Которого царя на Казанской земле государи наши московские цари и великие князи посадят на Казани, те цари и были на царстве на Казанском»¹³⁸. К моменту смерти царя и великого князя Василия III Казанское царство, по посольскому рассказу, расширилось «и всякими обилии исполнилось, и люди многих орд в нем учинилися государских сродычев, и казанские люди, позабыв правду и государей наших искони вечных, почали от государя нашего от царства русского отставати», но когда царь Иван подрос, он дважды ходил на Казань «со всеми своими землями», царя «свел», казанцев больше 300 тысяч человек побил

с «Хронографом 1512 года», о Всеволоде Юрьевиче Великом Гнездо, который «и на татарех дань имал и владея всею землею Русскою и до моря Волгою» (ПСРЛ. СПб., 1911. Т. XXII. Ч. I. С. 388).

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 222.

¹³⁵ СИРИО. Т. 59. С. 449.

¹³⁶ *Курбский А.М.* История о великом князе московском. (Извлечено из «Сочинений князя Курбского») СПб., 1913. Стб. 58.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 15. Л. 55 об., 85 об.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 50—50 об., 72, 319.

и установил в Казанском царстве христианское благочестие, города и подлинную власть¹³⁹.

Об Астрахани на боярском совете 1554 г. было сказано, что она — древняя Тмутаракань, ее князь Владимир Святославич дал сыну Мстиславу, «да Богу попущающу, грех ради христианьских и не за исправление закона Христова и многих межусобных браней русских государей, обладана бывши нечестивыми цари ординьскими, иже именовалася Большая Орда»¹⁴⁰. Установление контроля над Астраханью было объявлено одновременно как возвращение Тмутаракани и окончательное разрушение Большой Орды, якобы перешедшей после победоносных войн Ивана III в Астрахань. В посольском дискурсе XVI в. высказывания об Астраханском царстве как вечной вотчине московских государей, наподобие подобных версий истории Казани, не встречаются. В данном случае действовала иная историографическая модель. В 1581—1583 гг. приставы должны были отвечать на вопросы иностранных дипломатов, что «Астарахан государство было болше Казанского государства, изначала Болшие Орды государство начальное в мусульманских государех»¹⁴¹. Победа и торжество православия в этой земле преподносилось иностранным дипломатам как свидетельство особой божьей милости к державе царя и великого князя. Тем не менее в «Истории» А.М. Курбского в равной мере прославляются князь Андрей Суздальский, владевший поволжскими землями «аж до моря Каспийнскаго», и *Избранная рада*, при которой в середине XVI в. «пределы расширяша царства христианского аждо Каспийского моря и окрест, и грады тамо христианские поставиша, и святыя олтари воздвигоша и многих неверных к вере приведоша»¹⁴². Князя Андрея Суздальского Курбский называет предком тверских князей и считает, что суздальским князьям более 200 лет принадлежала «власть старшая [глосса: большая] руская между всеми княжаты»¹⁴³. Еще до возникновения Астрахани на ее территорию распространялась «власть старшая руская», и завоевание Прикаспия для современника и воеводы Ивана IV — это одновременно завоевание древних русских земель¹⁴⁴.

¹³⁹ ПДС. Т. I. Стб. 608—610, 732—734, 779—780, 809—810, 856—857, ср.: сокращенный рассказ в 1576 г., начиная со строительства государем в Казани церковью // Там же. Стб. 510; РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 50 об.—51 об., 72—73 об., 319—320 об.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 235—236.

¹⁴¹ ПДС. Т. I. Стб. 610, 733—734, 780—781, 810—811, 857—858, ср.: краткий рассказ о подданстве Астрахани без исторической перспективы в 1576 г. — стб. 510; РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 51 об.—52, 73 об., 320 об.—321; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 13. Л. 258—258 об.; Кн. 14. Л. 557 об.—558, 626 об.—627.

¹⁴² *Курбский А.М.* История... Стб. 121, 192.

¹⁴³ Там же. Стб. 121.

¹⁴⁴ См. выше примеч. 134. См. также: *Ерусалимский К.Ю.* Историческая память и социальное самосознание Андрея Михайловича Курбского // Соціум. Київ, 2005. Вип. 5.

Приоритетный для московской дипломатии вопрос о территории России обсуждался главным образом с Речью Посполитой, которая обвинялась в узурпации титульных земель «государя всея Руси». Принятый Иваном III в 1481 г. новый титул в 1494 г. был навязан Великому княжеству Литовскому, а с 1503—1504 гг. раскрывался русской дипломатией как воплощение прав государя на земли «прародителей», включая Киев, Смоленск, Полоцк, Витебск «и иные городы»¹⁴⁵. В число «иных» входили города сестры Василия III, «которые ей дал муж ее Александр король»¹⁴⁶. «Всю Русь» русской дипломатии позднее составляли, помимо Киева, Смоленска и будущей Восточной Белоруссии, Волынь и Северская земля. О правах на эти земли прямо заявлялось королевским послам всякий раз, когда речь заходила о переходе Новгорода, Пскова, Смоленска (с 1514 г.), Полоцка (с 1563 г.) к Речи Посполитой. Идеал «всей Руси» отразился в титуле великих князей, но был не более чем спорной международной претензией, основанной на монументальной идее о наследовании московской власти от киевских князей¹⁴⁷. В споре с королем о Великом княжестве Литовском И.Д. Бельским в 1561 г. была объявлена версия зависимости княжества от московских государей на сфабрикованных основаниях. Якобы князя Давил и Мовколд Роговолодовичи были взяты литовскими гетманами «на Литовское княжество» и давали дань «Мстиславу Володимеричу Манамашу в Киев»¹⁴⁸. В 1563 г. после захвата Полоцка царь доказывал древнюю зависимость Литвы от своих предков на том основании, что Вильно, Подольская, Галицкая и Волынская земли все «к Киеву, князь великий Мстислав Володимерич Манамаш и дети его, и племянники его теми всеми месты владели, и то есть вотчина наша»¹⁴⁹. В этих схемах объединены сразу два доказательства владельческих прав: князь Литвы ведет начало от полоцких князей, притом что Полоцк рассматривался как часть «всей Руси», а данническая зависимость их от Мстислава Владимировича снимает все сомнения в принадлежности территории.

Ливония не считалась частью Руси, но, по посольским представлениям, Лифлянская земля «изначала государя нашего вотчина», она «била челом», «тянула» к Московской Руси, но подданные своевольно «отстали», «многие насилства чинили через свою неправду» и даже на ответные мирные инициативы «ни в чем не исправилися»¹⁵⁰. Вместе с Орденом скрытым объектом при-

¹⁴⁵ ПДС. Т. I. Стб. 264—265, 270, 274.

¹⁴⁶ Там же. Стб. 277.

¹⁴⁷ *Chynczewska-Hennel T.* The National Consciousness of Ukrainian Nobles and Cossacks from the End of the Sixteenth to the Mid-Seventeenth Century // *Harvard Ukrainian Studies*. 1986. Vol. 10. № 3—4. P. 382—384.

¹⁴⁸ *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1989. Кн. III. Т. 5—6. С. 556.

¹⁴⁹ СИРИО. Т. 71. С. 172.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 49 об.—50, 76.

тязаний становились земли, занятые польскими Ягеллонами, — Гданьск, Торунь, Мальборк, Хвойница. С 1554 г. ливонский титул появляется при имени московского государя, что свидетельствует о том, что уже в то время в Москве велась подготовка к конфликту за эту землю¹⁵¹. Историческая легенда вводила зависимость Ордена в эпоху Киевской Руси. Она была детально разработана к началу нашествия на Ливонию русских войск в январе 1558 г.: наследник Августа *великий государь всех русских* объявлялся полноправным правителем Ливонии от своих предков, поскольку уже 600 лет назад Ярослав Владимирович занял эту землю и обложил данью¹⁵². Датское посольство Клауса Урне, прибывшее в Москву в 1559 г., чтобы отстаивать права Дании на Эстонию, получило в ответ ту же историю с упоминанием завоевателя Ливонии великого князя Георгия Владимировича, строительства им Юрьева и в нем греческих церквей и обложения этой земли данью; в договорах наместников новгородских московские дипломаты грозились показать, как предки их государя выслали из Эстонии двух датских королевичей и казнили непокорные земли огнем и мечем¹⁵³. Со ссылкой на «кроники» боярская комиссия И.Д. Бельского осенью 1562 г. убеждала литовского посланника Семена Алексеева, что Ливония в прошлом не принадлежала ни Литве, ни Польше¹⁵⁴. По наказу 13 июня 1566 г., «великий князь Ярослав, нареченный во святом крещении Георгий, сын великого князя Владимира, иже просветившего Рускую землю святым крещением, тот князь велики Ярослав во свое имя в Чюдцкой земле город поставил Юрьев; и дотуды слыла Чюдцкая земля, а ныне прозвали Ливонскую землею»¹⁵⁵. Имперские послы в 1576 г. на «которое слово» про Ливонскую землю должны получить ответ, что Ливония «искони вечная» отчина царя, «а за иными государи ни за кем не бывала, прежним государем нашим были данщики искони вечные»¹⁵⁶. Датчане в 1576 г. должны были узнать, что Ливония принадлежит русским государям от их еще более древних прародителей, «почен от великого государя царя русского Владимира»¹⁵⁷. В соответствии с наказом русскому посольству в Речь Посполитую 1581 г. челобитье властей Ливонии перед царем Иваном Васильевичем свидетельствует о ее традиционном подданстве: «Не подданная земля чюжим государем не бьет челом»¹⁵⁸,

---

¹⁵¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 2. Т. 8. Стб. 159; Примечания к VIII тому. Стб. 68. Примеч. 485.

¹⁵² Neue Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem dänischen Geh. Archive zu Kopenhagen. Reval, 1885. Bd. 2. S. 77.

¹⁵³ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 2. Т. 8. Стб. 178—179.

¹⁵⁴ Хорошкевич А.Л. Россия в системе... С. 315, 319.

¹⁵⁵ СИРИО. Т. 71. С. 375.

¹⁵⁶ ПДС. Т. I. Стб. 511, см. также стб. 778.

¹⁵⁷ Русская Историческая Библиотека. СПб., 1897. Т. 16. Стб. 124—125.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 13. Л. 121.

«а Лифлянская земля искони вечная вотчина государя нашего, от его государевых прародителей, потому что в лето 6508 прародитель государя нашего великий государь Георгии Ярослав самодержавец Киевский и всеа Руси и многим землям государь ходил на тое землю ратю и, пленив их, и в свое имя град Юрьев поставил, и тое землю взял за себя и от тех мест и до сех мест во многие времена та земля вотчина государя нашего была за прародителей государя нашего, и дан давали, и в незгуду прародителии государя нашего хотели были отступить, и великий государь Александр Храбрый послал на них рать и меч свои, и николи та земля неотступна была от государя нашего прародителей»¹⁵⁹. Юрьев и еще четыре города московиты отказывались передавать польскому королю даже под угрозой его похода в Московскую Русь¹⁶⁰. После смерти Ивана IV уточнены были некоторые детали в предыстории зависимости Ливонии от Русского государства, но фабула сохранилась без изменений, о чем свидетельствует обращение к истории на переговорах с Швецией в сентябре 1585 — январе 1586 г.¹⁶¹

Московская придворная аристократия не отставала от власти в воссоздании своего имперского прошлого¹⁶². Андрей Курбский в своей «Истории» заметил, что вместе с имперским князем Гериком, основоположником рода Рюриковичей, на Русь «из Немец» вышли семеро мужей, положивших начало крупнейшим придворным родам, по меньшей мере некоторые из которых дожили до середины XVI в. Один из знатных сподвижников Рюрика — Мисса Морозов, общего предка Воронцовых, Шереметевых и Кольчевых Курбский называет «князем Решским» (от пол. *Rzesza* (нем. *Reich*) — «империя»)¹⁶³. Легенда об имперской службе общего предка Морозовых, Шейных, Салтыковых и др. была принята московскими родословными книгами к 1540-м гг.¹⁶⁴

Столкновение посольских историй

Легенды о царственных предшественниках Ивана IV не вызывали доверия дипломатических партнеров, однако предания становились основой московской официальной историографии, причем их критика приводила к

¹⁵⁹ Там же. Л. 132 об.—133 об.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 88 об.

¹⁶¹ СИРИО. Т. 129. С. 458, 506—507.

¹⁶² *Halperin C.J.* Russia and the Golden Horde. P. 112; *Crummey R.O.* The Formation of Muscovy 1304—1613. L., 1987. P. 72—134.

¹⁶³ *Курбский А.М.* История... Стб. 7, 139, 143.

¹⁶⁴ Редкие источники по истории России / под ред. А.А. Новосельского, Л.Н. Пушкирева; сост. З.Н. Бочкарева, М.Е. Бычкова. М., 1977. Вып. 2. С. 59, 120.

расширению сюжетов, введению в них новых персонажей и событий. Прошлое только тогда дало сбой, когда от критики частных польско-литовская сторона обратилась к манере московских исторических построений. Опровержение русских имперских вымыслов играло определенную роль в пропаганде Речи Посполитой, где в годы Ливонской войны оформилось представление о «князе великом московском» как о «фараоне», чье правление сродни чудовищным примерам Нерона и Калигулы¹⁶⁵. Русская сторона также приложила определенные усилия, чтобы опровергнуть претензии на владения московских великих князей и историческую версию о передаче Ливонии Ягеллонам от императоров Священной Римской империи.

В 1570 г. король Речи Посполитой Сигизмунд II Август отправил в Москву посланника Мартина Володкава, которому было наказано передать царю, что Ливония «издавна предком его от цесарства хрестьянского поддана к отчинному панству их к Великому князю Литовскому подмоч и в оборону». В ответ на это московская дипломатия ссылалась на предыдущие посольства короля Сигизмунда, в которых обсуждение Ливонии происходило без подобных притязаний: «Ино то неправое слово, и неоднота иные речи с послы своими приказывал кабы о чужой земле. А тут уже приказал, что будто ему от цесарства поддана да и почал ее своею называти». Другой аргумент короля заключался в том, что «княжате мистр Кетлер и иные втеклися, припадаючи до маистату его». Оба аргумента не укладывались в одну стройную схему, что немедленно было обращено в Москве против всего построения в целом: «И коли б то правда была, ино б одно слово было. А то розными словы ухищряючи говорили и писали, чем бы приметатис к Лифлянской земле и неповинная кров хрестьянская проливати». Царские дипломаты имели под рукой договор 6968 г. Ливонии с великим князем Василием Темным и считали это достаточным основанием для спора о древности. В нужный момент прошлое можно было растянуть до Ярослава Мудрого, о чем говорилось выше. По этим примерам вплоть до окончания Ливонской войны царь требовал от королей Речи Посполитой прислать «наших прародителей наши» грамоты (или «письмо с них»), требуя подтверждения древних прав на эту землю: «коли б то была их земля, и предкове б его о том не молчали, а коли молчали, ино то уж не их земля»¹⁶⁶.

Новый повод для открытого противостояния представил Иван IV. В письме от 9 июля 1577 г., направленном из Пскова старосте Вольмарскому и Зеге-

---

¹⁶⁵ Сравнение царя с фараоном в «тетрадах», посланных от короля в Москву в августе 1581 г., не вызвало отторжения и было использовано Иваном Грозным против короля: «А что он пишет меня фараоном а просит у меня ста тысяч черленых золотых, и фараон египецкой никому дани не даывал» (РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 267).

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 190—194.

вольдскому князь А.И. Полубенскому перед походом московского войска в Ливонию, царь начал рассказ о своей власти от Сотворения Мира и особенно ярко изобразил спасительное для вселенной правление Цезаря Августа, прославленное Богом: «якоже божественным своим рождеством Августа кесаря прославив в его же кесарство родитися благоизволи, и его и тем вспрослави и распространи его царство, дарова ему не токмо римскою властию, но и всею вселенною владети, и Готфы, и Савроматы, и Италия, вся Далматия и Натолия и Макидония и ино бо — Ази и Асия и Сирия и Междоречье и Египет и Еросалим, и даже до предел Перских. И сице обладающу Августу всею вселенною и посади брата своего Пруса во град глаголемый Малборок и Торун и Хвойницу и преславный Гданеск по реке глаголемую Неман, яже течет в море Варяжское. Господу же нашему Иисусу Христу смотрения тайну совершившу, посла божественныя своя ученики в весь мир просветити вселенную»¹⁶⁷. Римский император, по этой версии, получает всю вселенную в награду за то, что оказывается современником Рождества. Тем не менее ни царство Августа, ни царство Пруса не отличались благочестием. Новое качество имперской власти возникло, когда прекратились гонения на христиан. В Римской империи — при Константине Флавии, в Российской земле — в правление Владимира Святославича, «второго Павла», равного «великому Константину», занимающего якобы 17-е «колени» (поколение) от Пруса¹⁶⁸. В такой схеме возникала эффектная параллель родства Владимира и Пруса с родством царя Ивана и Владимира. В «Степенной книге» современное царство было воссоздано как 17-я степень от Владимира.

В историографическом пространстве Речи Посполитой подобные выкладки уже нашли своих критиков. Юрий Тишкович, выступивший в 1566 г. с остроумным опровержением церемониальных претензий московского царя на Ливонию, воспроизвел типичный для ренессансных исторических воззрений прием доведения до абсурда. Напомним, московская сторона настаивала, что Ливония принадлежит царю, поскольку издавна русские государи ее «воевали». Посол парирует, что татары когда-то «воевали» земли московских государей и, по логике царских дипломатов, имеют право считать эти земли своей вотчиной. Именно таким приемом воспользовался М. Кромер в своей «*De origine et rebus gestis Polonorum*» (изд. в Базеле, 1555 г.), опровергая мнение Кранция о том, что славяне немцы: «Но ведь испанцам и итальянцам нашего времени немецкий язык был привычен, особенно тем, которые в Германии либо нанимались на военную службу, либо занимались торговлей, также и латынь грекам, если римлянам подчинялись, и греческий римлянам. И что же, из-за этого греки с римлянами, а итальянцы и

---

¹⁶⁷ ПИГ. С. 200.

¹⁶⁸ Там же. С. 201.

испанцы с немцами одно и то же? Вовсе неубедительно объясняет этот самый Кранций»¹⁶⁹.

Противоядие от вымыслов вырабатывалось на примере собственной истории¹⁷⁰. У чешских хронистов М. Бельским и С. Ожеховским был заимствован «привилей» Александра Македонского славянам, но при этом первый придерживался библейского происхождения славян, а второй — македонско-дунайской теории¹⁷¹. Кромер разоблачает выдумки о том, будто легендарный основатель Кракова Крак — это римлянин Гракх, будто князь Лешек I еще до своего вступления на престол разгромил Александра Македонского, а Лешек III разгромил Красса, трижды Юлия Цезаря и взял в жены сестру Цезаря Юлию¹⁷². Интересно, что ключевой для московской дипломатии вопрос о русских землях решался Кромером в направлении, противоположном московским интересам. Не Русская земля рассматривалась им как часть московских владений, а москвитины — как «племя и часть» русских (он находит москвитинов у Птолемея в Сарматии под именами Модаков и Амаксобиев и у Страбона как соседей Колхов)¹⁷³.

Из сферы повествовательной изящной литературы этот прием переключал в политическую идеологию, открывая пути к ревизии общественных идентичностей. В Инструкции послам на сеймики Великого княжества Литовского от 2 ноября 1577 г. было предписано обратить внимание на претензии противника в Ливонии: «Потреба се и на то огледати, иж Московский з давних веков и предков своих менить мети право на землю прускую, выводечи, якобы продькове его Кгданск, Малборьк, Хоиницу и иные места пруские заложити мели, который вывод свой шыроко выписал князю Алексьаньдру Полубеньскому, а он его королевской милости до рук одослал. А так не треба в том ничего вонтъпити, иж бы се тот неприятель, окрутеньством пануючы, и о землю прускую за тою прылеглостью, которую опановал, певне кусить»¹⁷⁴. Право на Пруссию, разработанное в Москве на рубеже 1510-х и 1520-х гг., упоминалось Иваном IV иногда с оговоркой о том, что на саму Пруссию он не претендует. Однако в европейской пропаганде с начала 1550-х гг. распространялось убеждение в планах «Мосоха» захватить

---

¹⁶⁹ *Kromer M. Kronika Polska. S. 23—24.*

¹⁷⁰ Историографическая ирония писателей Польско-Литовского государства демифологизирует историю очень осторожно, выделяя одни мифы как более правдоподобные, нежели другие. Для нас здесь важно не то, почему одни мифы казались для историков предпочтительнее других, а то, как демифологизация и — как ее следствие — историческое мифотворчество проникали в посольский дискурс и взаимодействовали с актуальной историографией.

¹⁷¹ *Bielski M. Kronika Polska. Sanok, 1856. S. 18—19; Orzechowski S. Kroniki Polskie od zgonu Zygmunta I-go. Warszawa, 1805. S. 12—13.*

¹⁷² *Kromer M. Kronika Polska. S. 59—60, 66—67, 72.*

¹⁷³ *Ibid. S. 29, 94—95.*

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 389 (Литовская Метрика). Оп. 1. Д. 60. Л. 140—140 об.

Пруссию, и письмо Ивана IV князю А.И. Полубенскому 1577 г. только добавило масла в огонь¹⁷⁵.

В резкой форме легенда об Августе была разоблачена в письме Стефана Батория от 26 июня 1579 г. Еще через год польский король намекал на претензии царя и заявил, что сам не нуждается в том, что не принадлежит его королевскому достоинству: «тытулов малопотребных не жеедаем»¹⁷⁶. Царь в доказательство своих прав на Ливонию послал в Речь Посполитую списки с каких-то грамот¹⁷⁷. В начале августа 1581 г. было составлено королевское послание, в котором исторические знания московского царя подверглись ренессансному разоблачению: «Каждый подданный повинен ест пану своему, а в тых листех которые еси нам послал того нет; оказуешься за того ж не толко псалмы пилно четш, але и летописцы. Чтеш правдивых летописцов, а не тверди басен бахорев своих, або того себе не змышляй, чего в речи николи не было, яко еси смыслил о Прусе брате своем Августовом в чом дурное змышлене твое. Вжо ест явно всему хрестьянству за казаньем в том легкомысльности и фалшу твоего. Але тым листом так слабым с которым еси послал ещо нет сполна лет ста»¹⁷⁸. Правдивые летописцы помещены здесь в оппозицию «басням бахорев» именно в том значении, в котором басни (*fabula*) противостоят правдивым рассказам в исторических трактатах М. Кромера или А.М. Курбского. Вероятно, на удостоверение в Речь Посполитую были отправлены списки договоров Василия II и Ивана III с Ливонией или даже только список с договора 1503 г. При всем желании связать эти тексты с легендой о происхождении русских государей от Пруса было немыслимо. Однако все попытки разоблачения «фалшу» и «дурного змышления» оборачивались новыми витками исторической мифологии со стороны противника.

В этом ряду межгосударственных пикировок, развернувшихся на всем пространстве мировой истории, вызывает интерес гигантский хронографический проект, получивший в науке не вполне точное название — Лицевой летописный свод. Значительная часть царствования Ивана IV после 1567 г. по каким-то причинам оказалась не охваченной придворным историописанием. С одной стороны, удар по историческому творчеству нанесла причина, деяния которой царь держал в тайне даже от собственных подданных. После новгородского похода опричников, в 1570 г. сменилась верхушка московской бюрократии, в среде которой до этого были специалисты в области историописания. С другой стороны, кризис придворного летописания в конце правления Ивана Грозного может быть связан с жесткой критикой

---

¹⁷⁵ Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях: (1544—1648). Т. I. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893. С. 131.

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 139 об.

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 13. Л. 299—299 об.

в адрес посольских легенд со стороны дипломатических противников. Лицевой летописный свод обобщил все основные достижения официального летописания, но так и не был закончен ни при Иване Грозном, ни позднее. В послании царя Ивана от сентября 1581 г. есть ссылка на летописную статью 6660 г. Источником для послания мог послужить текст южнорусского происхождения, однако более вероятно, что царь ссылается на Лицевой свод (ныне — его Лаптевский том), в котором именно эта статья (частично в настоящее время утраченная) была составлена на основе не Никоновской летописи, а дополнительного источника. Связь Лицевого свода с посольским ведомством доказана филиграноведческим исследованием, в ходе которого показано, что посольские книги 1570-х гг. и отдельные части Лицевого свода написаны на бумаге с идентичными водяными знаками¹⁷⁹. Факт обращения к Лицевому своду в посольской переписке проясняет мотивы создания монументального хронографического свода. Он позволяет обращаться к событиям прошлого без достаточного знания языка и самих хронографических и летописных текстов и в этом смысле незаменим в переговорах с иностранными представителями.

Наибольшие коллизии во время подготовки свода произошли при создании «Истории Грозного», то есть раздела за 1533—1567 гг. (и, возможно, существовавшего, но утерянного раздела за 1567 — начало 1580-х гг.¹⁸⁰). В первоначальном варианте на миниатюрах государь изображался в княжеской шапке и только с 1547 г. — в пятилучевом царском венце. Однако в Лицевой свод вошла пространный версия рассказа о смерти Василия III, составленная на основе летописного свода 1560 г. или «Степенной книги»¹⁸¹: Иван получает от отца помимо прочих регалий еще и скипетр для управления Русским царством¹⁸². Царю только предстояло стать царем, но это уже было предопределено Богом и Василием III. В первоначальном варианте миниатюр было решено провести редакторскую правку, вследствие чего на особой бумаге образовался новый текст с новыми изображениями — царь здесь был увенчан короной с самого своего рождения. Причем оба варианта истории первых лет княжения Ивана Грозного были сохранены и позднее переплетены в Синодальный том и Царственную книгу¹⁸³. На фоне внеш-

¹⁷⁹ Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 11—222.

¹⁸⁰ Амосов А.А. Лицевой летописный свод: историографические заметки // Мир источниковедения: сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 44.

¹⁸¹ Морозов В.В. От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду... С. 253.

¹⁸² ПСРЛ. Т. 29. С. 123—124 (л. 152—154 об.).

¹⁸³ Морозов В.В. Лицевой летописный свод XVI века: Уроки историографии // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 65; *Он же*. Фрагмент лицевого свода в копии XVII в. // Археологический ежегодник за 1982 год. М., 1983. С. 101—102.

неполитических провалов, и в первую очередь в попытках утвердить царский титул Ивана IV, распоряжение заменить плоды кропотливой работы и обратиться в повести о смерти Василия III к «Степенной книге» и «Летописцу начала царства» выглядит идеологической компенсацией. Следом за политическими трудностями пострадал монументальный летописный проект. Болезненный вопрос о начале царства был запутан и натолкнулся на расхождения в тексте церемониальной царской хроники. Видимо, царь сам принял участие в правке. Виновными в провале имперской политики были обозначены бояре, о чем должна была свидетельствовать правка ряда сюжетов правления царя Ивана, но потребовалось также показать, что и он до венчания на царство как «прирожденный» царь, и его царственные предки носили не княжескую шапку, а венец. Последнее означало бы переработку всего монументального замысла.

Пополнение прошлого, во многом уже намеченное в событиях, последовавших за Ферраро-Флорентийским собором и связанных с ним литературных опытах, а также в «Сказании о белом клобуке», произошло с закреплением за русской церковью патриаршеского статуса. Иван Грозный на диспуте с А. Поссевино в феврале 1582 г. объявил, что в «истинной вере» от Первого собора и папы римского Сильвестра и до Седьмого собора и папы римского Андриана четыре патриарха определились вместо четырех евангелистов: константинопольский, александрийский, антиохийский и иерусалимский¹⁸⁴. Наконец, в 1588—1589 гг. в связи с реформой церковного управления сформировался идеал России как пятого патриархата. В грамоте константинопольского патриарха от мая 1590 г. было установлено именно такое положение России среди престолов¹⁸⁵. В первоначальном русском переводе грамоты сохранилось точное понимание воли патриархов Восточной церкви и Вселенского собора: «да поставленный московский наперед сево господин Иев патриарх именуецца патриархом и почитаетца с ьными патриархи, и будет чин на нем, и в молитвах после патриарха ерусалимского [*или (здесь неясно): с патриархом с ерусалимским*] должно его поминати имя и иных». Но последние слова были исправлены таким образом, чтобы из этой фразы невозможно было определить место московского патриарха в иерархии восточных патриархов: «после патриарха ерусалимского должно нам поминати имя наше и иных»¹⁸⁶. В переводе грамоты Иеремии Иову все же сохранилось недвусмысленное указание на порядок престолов: «И мы то доброе совершили поставление, имеем тебя себе всегда братом и сослужебником своим,

¹⁸⁴ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 375 об.—376.

¹⁸⁵ Маркевич А.И. История местничества... С. 148.

¹⁸⁶ Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588—1594 г. / подгот. текста М.П. Лукичева, Н.М. Рогожина. М., 1988. С. 70—71.

пятым патриархом под ерусалимским»¹⁸⁷. Согласно московским претензиям, патриарх константинопольский занял «папино место», за ним по ранжиру следовал патриарх александрийский, третьим был патриарх московский, и последние два — антиохийский и иерусалимский¹⁸⁸.

Царский титул сам по себе, как представлялось не принимавшим его за русским князем европейцам, означал равенство московского государя с верховным правителем всех христиан императором Священной Римской империи. Патриарх помазал миром князя и уже на законных основаниях освещал его царский чин. Глава русской церкви, по представлениям реформаторов, не только становился вровень, но и вытеснял римского папу из пятерки престолов. В марте 1592 г. в грамотах царя Федора и патриарха Иова константинопольскому патриарху Иеремию была выражена идея падения Рима вследствие ересей и нечестивых учений и Царьграда на Ферраро-Флорентийском соборе: «грех ради наших ветхий Рим паяеся аполинариевою ересью и церковь римская и вся Италия наполнися нечестивым учением папы Формоса и по нем Петра Гугнивого. И по сих от папы Христофора церковь римская от святыя нашей православныя греческия веры конечно отлучится. Его ж, злочестивого папы Христофора, святейший Сергей патриарх константинопольский о благочестивой нашей греческой вере истезав и по совету четырех вселенских патриарх в церквах греческих пап римских отколе поминати не велел, и вечному проклятию их предаст. Також древних пап злочестие последова папа Евгений, и сумылennyй осмый собор состави его же нечестивое предание обличи Марк, митрополит ефейский»¹⁸⁹. Только Российское царство, согласно посланию, сохраняет благочестие «и во всем согласует со всеми четырьмя святейшими вселенскими патриархи, иже держим от наших благочестивых прародителей, святопочивших великих государей, от святого и равноапостольного великого государя царя и великого князя Владимиря, просвятившего русскую землю святым крещением, даже и дондесь»¹⁹⁰.

Вытеснив Первый Рим, Москва в своих церковно-иерархических построениях сохраняла выше себя актуальный статус Константинополя. Соседство Москвы и Константинополя лишало религиозного смысла учение о трансляции церковного главенства и выдвигало на первый план противостояние восточного и западного христианства. Думается, задолго до церковного раскола и имперских доктрин эпохи Федора Алексеевича и Петра I идея Третьего Рима вступила в противоречие с религиозно-политической практикой Московского государства. Это произошло в том самом 1589 г., кото-

---

¹⁸⁷ Посольская книга по связям России с Грецией... С. 76.

¹⁸⁸ Там же. С. 110.

¹⁸⁹ Там же. С. 107—108, 127.

¹⁹⁰ Там же. С. 108, 128.

рый иногда в нынешней историографии считается моментом превращения теории «Москва — Третий Рим» в государственную доктрину.

Весь намеченный комплекс исторических представлений служил формированию официальной патетической риторики. Серия генеалогических легенд о преемственности царств не дала власти единого понимания своей предыстории, а главное, не выполнила своей политической миссии — убедительно для папского престола обосновать притязания московских государей на царский титул. В 1589 г. произошло снятие сразу двух проблем: римский патриархат окончательно перестал восприниматься как легитимная церковная власть и вместе с этим исчезли внешние стимулы к развитию и уточнению добродетельного прошлого. К этому времени посольский этос уже является частью исторического мышления, и способы осмысления прошлого продолжают в том или ином виде взаимодействовать с дипломатической практикой. Соответственно исторические труды московских книжников опираются на серию разработок Посольского приказа, среди которых одна из наиболее популярных — имперское происхождение власти московских князей и московской элиты.

Заключительные ремарки: посольская историография и имперское мифотворчество

Последний вопрос, который мы хотели бы поднять в этой работе, касается устройства и среды бытования посольских *exempla*. Выше показана их сюжетная и смысловая преемственность с особым дипломатическим восприятием времени, хронографическим историописанием, имперской идеологией и церемониальной репрезентацией. Переговоры при этом служат не только стимулом к анамнезу, но и своеобразной естественной средой его существования. Действенность легенд обеспечена негласными (прямо нигде не оговоренными в документации) конвенциями между сторонами относительно *общего* прошлого. Дипломаты могут не признавать чужой версии этого прошлого, но они уже в середине XVI в. не считают праздными фантазиями и пустой тратой времени споры о том, каким общее прошлое было «на самом деле». Они при этом охотно ссылаются на древние грамоты, летописи, хроники, иконы и, вероятно, другие наглядные носители исторической памяти.

Частные сюжеты легенд организованы в дипломатической практике по определенным правилам, которые позволяли отказываться от одних легенд и фабриковать новые в зависимости от посягательств соперника и в зависимости от своих притязаний. По этой причине не представляется единственно возможной интересная гипотеза Я.Г. Солодкина, согласно которой

«одним из источников «зело широкой епистолии» Ивана IV его бывшему «боярину и воеводе» [Первого послания Андрею Курбскому. — *К.Е.*] может считаться возникший, скорее всего, в стенах Посольской избы ради обоснования прав Грозного на царский титул документ, где с лаконичными оценками перечислялись некоторые прежние великие князья — киевские, владимирские, московские»¹⁹¹. Судя по изменению версий предыстории самодержавия, таких документов могло быть несколько, но скорее эти версии создавались непосредственно в процессе церемониальной репрезентации, а обнаружить их было нетрудно, обратившись к посольской документации за предшествующие годы, к хронографическим и летописным компиляциям, актам и визуальным памятникам. Кроме того, судя по ссылкам посольских служащих на свои источники, они стремились опираться не на компендиумы, а на архивные материалы библиотеки Посольского приказа или кремлевской казны.

Посольский *exemplum* как нарративная структура предельно краток, упрощен до минимального набора сообщений, соединенных формульными характеристиками и категориями, рассмотренными нами в начале этой работы. Можно условно подразделить эти посольские высказывания на три вида: первый — государь не владел землей *f* до недавнего времени, но правитель *t* бил челом и принял подданство государя; второй — земля *f* издревле (изначала, извечно) принадлежала государям — предкам нынешнего государя *t* и должна «годовать» ему и быть в его «воле»; и третий — земля или некто *f* должен на тех же основаниях, что и во втором случае, принадлежать государю *t*, но *f* изменил, отступился, отстал от своей отчизны, веры и государя *t* и должен быть ему возвращен. Применение какой-либо формы диктовалось условиями времени, но все они могут рассматриваться и как взаимосвязанные фазы имперского мифотворчества.

Была ли при этом посольская история устойчивой мифологией, основанной на едином и неизменном наборе однообразно интерпретируемых сведений? Скорее все же нет. Эта история состоит из множества притязаний, некоторые из которых выходят на свет только в ответ на притязания дипломатических партнеров и никак не отражаются на более широких исторических представлениях. Знания Посольского приказа за пределами центральных ведомств появляются с запаздыванием. Общим явлением для историографии можно признать господство имперской символики и риторики, но частные мотивы истории в ходе дипломатических дискуссий подвергались переработке, которая рано или поздно сказывалась на историографии. «Сказание о князьях владимирских» в середине XVI в. проникает в краткие летописцы и оттесняет в них традиционно вступительную «*Повесть временных лет*».

---

¹⁹¹ Солодкин Я.Г. Первое послание Ивана Грозного А.М. Курбскому... С. 120.

Вопрос «откуда есть пошла земля русская» скопирован Иваном Грозным в его суждении о Прусе с принципиальным смещением координат: «откудава наше государство пошло». Два понятия незаметно подменены: вместо земли говорится о государстве, а «русская» становится «нашей». Смысл замены не в противопоставлении, а в наложении понятия государства на землю и понятия персональной власти государя на все «русское».

Нечто похожее происходит с языком и обычаями. Услышав «русский язык», посольский служащий, будучи представителем не только своего государя, но и Руси своего государя, подхватывал тему и говорил о «языке прямом московском». Подлинным русским языком для него был только «наш русский» язык государя. За спиной у царя были его предки, 600 лет говорившие на *этом* языке и соблюдавшие древний «свой» обычай. Чужой обычай считается опасным и даже вредным. Ездить за ним в иные земли не принято: «чужого обычая нам не надо». И в первую очередь неприемлемо ездить за рубеж, чтобы учиться там в университетах. Это могло нравиться изменнику Андрею Курбскому, и одним своим интересом к академической учебе и связанным с ней свободам западных королей он мог бы считаться нарушителем посольского благолепия.

Не так очевидно суверенное понимание веры, поскольку «своя вера» не обязательно подразумевает, что эта вера вся тождественна земле, языку и обычаю государя. О вере в 1582 г., по представлению царя, должен был говорить не глава церкви митрополит Дионисий и освященный собор, а царь *вместе* с митрополитом и всем освященным собором. Иван Грозный, вступая в полемику с А. Поссевино, представляет себя защитником всей «греческой веры» от «римской веры» папы и подчиненных ему цесаря, королей и княжат: «Ино каждый своей вере ревнител и всякому своя вера похвалят. И толко лучитца о том в словех спор или которое сопренность, и мы усумневаемся о том, чтоб вперед от того вражда не воздвиглася».

«Наше» определяется, помимо государства и государей, обычаем и языком. Обычай получен от предков. Им подкреплялся суверенитет, правила поведения и церемониальный статус государства в сношениях с другими государствами: «Ино з божею волею наше государство болши пятсот лет стоит, а чюжеземских обычев николи не приимывали, так ж и нынеча приимати не хотим». К 1580-м гг. в Москве складывается устойчивое понимание «нашего» русского языка как московского славянского. Западнорусские «полонизмы», изредка мелькающие в московской речи в посольских отношениях с Польско-Литовским государством, уже считаются чужими. Письмо от короля Стефана от августа 1581 г. и особенно возмутительные для царя приложения к нему («тетратки») вызвали негодование: «Что мы к нему писали лист свой спросности, и вшетеченства, и омылности, ино то по нашему по руский невежество, и озорнычество, и оманка». В ответ царь подчеркивал,

что был с королем вежлив, не озорничал и никого не обманывал, а сел на свое шестисотлетнее и всей вселенной известное государство по праву, полученному от предков, и во всем правил по прежнему обычаю вслед за дедом и отцом, и за границу учиться не ездил, так как «здесь тово обычая не ведецца в нашем русском, что по науком государским детям ездити».

«Русским» назван московский язык в переводе обращения А. Поссевино к Ивану Грозному от имени папы Григория XIII с просьбой, «чтоб ему рачил на час послати некоторых, которые бы умели читат и писат по русску». Перевод этой просьбы с западнорусского на московский почти не изменил фразу: «чтоб мы велели послати на час некоторых своих людей, которые бы умели чести и писати по руски». Об этом языке можно сказать по-другому, но это будет синоним: «А для того папа желает, чтоб языка прямого московского его люди переняти могли, чтоб не всегда были надобны с обеих сторон толмачи». При этом речь идет не о церковном языке, который в богословском диспуте Антонием Поссевино назван «греческие веры словенской язык». Иван Грозный отказывается от определения своей веры как греческой: «И мы веру держим истинную хрестьянскую, а не греческую». Но для этой не-греческой истинной веры находится определение вскоре после неудачного диспута, во время которого царь обозвал римского папу «волком»: на следующий день царь возвращается к разговору о том, «в чем не сходитца вера рымская з русскою».

Чтобы развеять сомнения в исконной суверенности отчины московских государей, в исторических текстах XVI в. устраняются намеки на зависимость от Рима, Константинополя, Орды. Поскольку эта задача в полной мере была невыполнима, в посольской практике обычно применяется присвоение авторитета: «греческая» вера перед лицом иезуита оказывается *не* «греческой», а «нашей» «истинной христианской»; шведский король протестант Юхан III узнает, что царь происходит от римского цесаря; в то же время Иван IV на посольской церемонии может объявить себя «немцем»; грамоты патриархов при необходимости исправляются — причем как переводы, так и сами греческие грамоты — под посольскую схему русско-греческих отношений; наконец, для выходцев из ордынской элиты московский царь оказывается «царем царей» и в некоторых случаях воспринимается как потомок Чингис-хана.

Даже если церковь принимала участие в выработке общего имперского представления о Русском царстве в истории, посольские легенды рассчитаны на достижение светских целей, в том числе когда они опираются на религиозные аллюзии и риторику. Эта сфера светской ментальности расширяется по мере того, как происходит сакрализация государственного господства. При значительных отличиях этих представлений о «царстве» от феодальных учений о власти и самих практик социального распределения власти

в феодальных обществах можно задаться вопросом: не имеем ли мы дело в лице посольской истории с особой организацией памяти, в равной мере отличной как от средневековых, так и от просветительских форм осмысления прошлого и в каком-то смысле выполнявшей роль промежуточного звена между ними?

Но можно ли вообще считать, что изучаемые здесь многоликие исторические легенды представляют устойчивую идеологию? Если не считать ее воплощением формульные идеи, то в качестве рабочей гипотезы имеет смысл положительный ответ. Московское посольское ведомство разработало церемониальные коды, призванные представить государя как правителя «всёя Руси», покорителя нечестивых царств и защитника правоверия, царя равного цесарю и султану, потомка и наследника римских императоров и святых русских князей, отца своих холопов-сирот. При этом особое значение имеет «национальная» принадлежность царя. В двух сходных текстах о присоединении Казани, составленных в Посольском приказе летом 1581 г., есть текстологическое расхождение: «росийские государи» в одном варианте и «наши прежние государи» на том же месте в другом наказе, причем в обоих случаях речь идет о «государях наших московских». «Нашими» государями были московские великие князья и слившиеся с ними их предки. Иван Грозный может заявлять, что последние восходят к «немцам» — для посольского ведомства очевидно, что речь идет не о нынешних германских герцогах, которых принято называть «княжатами немецкими», и не о вассальной польскому королю Пруссии, а о потомках легендарного Пруса.

Для отстаивания новой социальной реальности перед лицом чужеземца к 1560-м гг. московские дипломаты в любой момент могли сослаться на имперскую, турецкую и патриаршую грамоты с признанием царского титула их государя; на компендиумы с чином венчания, «Сказанием о князьях владимирских» и сочинениями монаха Филофея; на летописи и хроники, в которых подтверждалось 600-летнее право государей на их вотчину, полученную от Бога; на росписи кремлевской Золотой палаты, Архангельского, Успенского соборов и иконы, на которых воспроизводились ряды святых и неоднократно венчанных на царство предков государя. Царь не был далекой от его сирот небесной субстанцией. Он постоянно курсировал по стране, устраивал показательные покаянные, военные, свадебные церемонии, суды, соборы, казни. Его изменники, если не получали прощение государя, вместе с их семьями искоренялись физически, их имена устранились из поминальной памяти и заносились с соответствующими оценками в исторические тексты.

Согласно посольским легендам, каждая окраинная территория имела свой статус в составе Русского государства. Легенды в данном случае устанавливали иерархию регионов, что было особенно важно для формирования русской

придворной культуры. Родство с царской семьей в данном случае скорее только подтверждало, чем создавало высокий придворный статус. Царственная знать Астрахани и Казани с 1550-х гг. была высшим слоем аристократии, ее представители сохраняли за собой царский титул при крещении и переходе на государеву службу. Вторым по значению слоем двора были представители западнорусских служилых родов князя Мстиславские, Глинские, Воротынские, Одоевские, Бельские. И только в редких случаях конкурировать с ними были в состоянии потомки русских северо-восточных великих княжеств. Знать воспользовалась тем фактом, что во главе государства находятся одновременно «римляне», «немцы» и «русские». В частных летописцах московской и региональной знати появляются сюжеты, связанные с темой *translatio imperii*. Формирующиеся в XVI в. легендарные генеалогии выводят первые московские роды «из немец» или от «княжат решских». Государев родословец с вступительными разделами в духе *translatio imperii* распространяется по частным собраниям и осуществляет в генеалогии власти ту же миссию, которую осуществляют хронографы в истории царств, а посольский церемониал — в визуальной репрезентации социальной памяти.

Препринты ИГИТИ ГУ ВШЭ
Серия WP6 «Гуманитарные исследования ИГИТИ»

1. *Савельева И.М., Поletaев А.В.* Функции истории: препринт WP6/2003/01. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 40 с.
2. *Дубин Б.В.* Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа: препринт WP6/2003/02. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
3. *Руткевич А.М.* Психоаналитическое учение о символе и интерпретации: препринт WP6/2003/03. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 32 с.
4. *Андреев М.Л.* Второе рождение нормативной поэтики: препринт WP6/2003/04. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 31 с.
5. *Самутина Н.В.* Современное европейское кино и идея культуры («прошлого»): препринт WP6/2003/05. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 28 с.
6. *Савельева И.М., Поletaев А.В.* История и интуиция: наследие романтиков: препринт WP6/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 52 с.
7. *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки): препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
8. *Никс Н.Н.* «Велик и благороден труд профессора» (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX — начала XX в.): препринт WP6/2004/01. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 40 с.
9. *Юревич А.В.* Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту: препринт WP6/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 28 с.
10. *Андреев М.Л.* Формы прошлого в классической европейской литературе: препринт WP6/2004/03. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 32 с.
11. *Фрумкина Р.М.* Психоллингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем: препринт WP6/2004/04. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 24 с.
12. *Филиппов А.Ф.* Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода: препринт WP6/2004/05. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 56 с.
13. *Руткевич А.М.* Психоанализ и доктрина «исторической памяти»: препринт WP6/2004/06. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 36 с.
14. *Савельева И.М., Поletaев А.В.* Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования: препринт WP6/2004/07. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 56 с.
15. *Капелюшников Р.И.* Деконструируя Поланьи (заметки на полях «Великой трансформации»): препринт WP6/2005/01. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 52 с.
16. *Савельева И.М., Поletaев А.В.* Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации: препринт WP6/2005/02. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 40 с.

Препринт WP6/2005/03
Серия WP6
Гуманитарные исследования ИГИТИ

Редактор серии *И.М. Савельева*

Ерусалимский Константин Юрьевич

**История на посольской службе:
дипломатия и память
в России XVI в.**

Публикуется в авторской редакции

Зав. редакцией *А.В. Заиченко*
Выпускающий редактор *О.А. Шестопалова*
Технический редактор *О.А. Орлова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 4,03. Усл. печ. л. 3,26. Заказ № . Изд. № 481

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3